

АРИАНН БАТ

ТЕНИ ЗОЛОТОГО ПЛАМЕНИ

ВОЛЧИЙ ШТОРМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арианн Бат

**Тени Золотого пламени.
Волчий шторм**

«Автор»

2026

Бат А.

Тени Золотого пламени. Волчий шторм / А. Бат — «Автор»,
2026

Бруна всё ближе подбирается к тайнам собственного прошлого. Эйнар всё глубже погружается в мир Волчьей стаи, разрываясь между долгом перед Светом и теми, кого ещё недавно считал врагами. Ортер идёт по следу убийцы своих родителей — и чем ближе он подходит к правде, тем больше вопросов возникает о прошлом, которое он считал известным. Тем временем Волчья стая пытается найти путь в Закрай — место, где древняя магия, кровь и неприкаянные души переплетаются воедино. А над заливом Даргарда сгущается тень новой войны.

© Бат А., 2026

© Автор, 2026

Арианн Бат

Тени Золотого пламени. Волчий шторм

Ариани Бат

Волчий шторм

Тени Золотого Пламени.

Книга вторая

Алматы

КазБукЭксперт

2026

Язык издания: русский

УДК
ББК
ISBN

Волчий шторм : роман / Арианн Бат. — Алматы : КазБукЭксперт, 2026. — (Тени Золотого Пламени ; книга вторая).

Часть вторая

Аннотация

Вера обещает свет. Но всякий свет отбрасывает тень.

Прошное не отпускает тех, кто пытается от него скрыться. Особенно если в нём таится нечто, способное изменить судьбы целых народов.

Бруна Рагнесдотир всё ближе подбирается к разгадке собственного происхождения и правде, которую от неё скрывали слишком долго. Эйнар, всё глубже вовлечённый в дела Волчьей стаи, оказывается между долгом перед Светом и теми, кого прежде считал врагами. А Ортер идёт по следу убийцы своих родителей, не подозревая, что за этим преступлением может скрываться не только семейная тайна, но и след древнего заговора.

Тем временем Волчья стая ищет путь в Мятажный лес — туда, где древняя магия переплетается с кровью и судьбами неприкаянных душ. Среди забытых сил и мёртвых тайн может находиться ключ к тому, что

Над заливом Даргарда сгущается тень новой войны. Пока герои пытаются докопаться до правды, старые силы пробуждаются, а то, что слишком долго скрывали, начинает требовать жертв.

У каждого своя цель. Но если они узнают правду, прежний мир может рухнуть — и вместе с ним исчезнет граница между светом и тьмой.

Пролог

— Куда бежишь, медведица?!

— Тебе от нас не уйти, маленькая воровка!

— Слыхала, сколько золота дают за твою головку?

— Головку всегда успеем отсечь... А вот наиграться...

Их было слишком много.

Я мчалась сквозь ночной лес, разрывая плечом колючие ветви. За спиной гремели шаги, разносился хохот, захлёбывался лаем свора охотничьих собак.

Если выну секиру...

Если развернусь...

— Постой, медведица! — крикнул тот, что бежал впереди остальных. Усатый, с рыхлым лицом, изрытым оспой. — Мы не такие уж и гады, если подумать!

В ответ грянул хохот.

Я не оглядывалась. Ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за сапоги. Где-то совсем рядом с треском удирали испуганные звери. Над головой тревожно перекликались ночные птицы.

Лес словно чувствовал погоню.

— Стой!..

Впереди темнело пятно свежевзрыхлённой земли, наскоро прикрытой листьями. Капкан. Прыжок.

За спиной громко лязгнуло железо. Следом раздался вой.

— А-а-а, блядь, чтоб тебя!..

Кто-то рухнул в листву, осыпая лес такой бранью, что даже собаки на миг захлебнулись лаем.

— Снимите его! Да снимите же!

Осталось шестеро.

Воздуха не хватало. Я рванула через последние кусты и выскочила на околицу. Луна серебром легла на соломенные крыши.

Частокол. Берёзы. Свет в окнах.

Люди.

— Ах ты, паршивая...

Я перемахнула через плетень, содрала колени о сухие жерди. Подхватила с земли секиру и бросилась к ближайшему дому.

— Помогите! — заколотила я в дверь. — Спасите! Разбойники!

За спиной вдруг стало тихо.

А затем распахнулась дверь.

— А ну пошли вон! Вон пошли, псы окайные! — Старик выскочил на крыльцо с вилами наперевес. — Не то всех на зубцы насажу сраками! Чтоб пусто вам было!

Избы одна за другой оживали. Захлопали ставни, скрипнули двери.

Преследователи замялись.

— Назад!

— Тут хутор поднялся!

— Уходим!

Старик с надетым набекрень картузом, недолго думая, швырнул вилы через плетень.

— А ну бегом за мной!

Следом за ним на улицу выскочили двое крепких парней; один держал сулицу, другой так и выбежал с лопатой в руках.

— Прокляну, сукиных тварей! — гаркнул старик, выхватил у парня сулицу и с неожиданной для своих лет силой метнул её вслед разбойникам. — Остал бы вас побрал, стервятников!

Остриё вонзилось одному из них между лопаток. Тот рухнул лицом в дорожную пыль. Две гончие, не успев остановиться, перемахнули через его спину и с яростным лаем понеслись дальше.

Я привалилась к стене избы и медленно осела на землю. Ноги дрожали. Руки не слушались.

— Чьей дочерью будешь? — раздался низкий женский голос. Передо мной стояла тучная женщина в бордовом сарафане. — Чай, не местная? — Она без церемоний дёрнула меня за локоть, заставляя подняться. — Отвечай, девица. Чужих у себя не привечаем.

— Я... я... — Я обернулась на тёмную стену леса. — Я...

— Ну? Язык, что ль, проглотила?

В голове было пусто.

— Бру... Бру...

Женщина нахмурилась, уперев руки в бока.

— Из Брукара, что ль? Из такой дали?! И чего ж тебя в нашу глушь занесло?

Тем временем у избы уже толпился народ.

— Чего там, Светоч?

— Опять разбойники пожаловали?

— Капуста! — голосила женщина с орущим младенцем на руках. — Капусту-то, чай, не вытоптали?! Чего ж солить на зиму будем? Ох, горе-то какое!

— Умолкнуть! — рявкнул староста и с такой силой ударил кулаком по столбу крыльца, что тот глухо загудел. — Всем по избам! И баб своих уведите! Не хватало ещё, чтоб вы мне весь хутор на уши поставили!

— А капуста...

— В коробе я видал твою капусту! По хатам! Пока розгами не угостил!

Ворчание ещё немного побродило по улице. Потом одна за другой захлопали двери. На хуторе вновь стало тихо.

— Ты, девка, никак с жизнью распрощаться удумала? По энтим лесам и мужики наши поодиночке не ходют!

Я вытерла кровь с лица и посмотрела на изодранные ладони.

Если бы я не ударила того верзилу рукоятью...

— Ну? Отвечай!

— Сирота я... Ни дома... ни семьи... Маменьку с папенькой моих...

— Всё! — гаркнул староста и крепко ухватил меня за локоть. — Хватит с тебя и выть, и горюшка. Потом наговоришься. Ступай. Веда тебя кашею накормит. Веда! Накрывай на стол! Гостя пожаловала!

Меня усадили за низенький стол. Под ногами деловито сновала курица, кудахча и размахивая крыльями. Сени освещала единственная свеча, притулившаяся в крохотном кутном уголке.

Хозяйка бухнула передо мной дымящуюся миску пшённой каши со шкварками и уселась напротив.

— Кушай, чай исхудала совсем... Глянь-ка, Низарка, какие щёки впали! Ну ничего... — Она потрепала меня по вороту шершавой ладонью. — Откормим! Такой кобылкой вымахаеть — любо-дорого поглядеть!

— Благодарю за гостеприимство...

— А грядки-то полоть умеешь? Козу доить? Шить? Стряпать? Лапти плести?..

— Тише, маменька, — негромко сказал Низарка, усаживаясь рядом. — Она ж напугана совсем. Глянь, на ней лица нет.

— Есть у меня лицо, — нахмурилась я, разглядывая кашу в ложке. — Чего это ты такое говоришь?

Низарка смутился и слегка покраснел. Ничего не ответил. Только молча отломил ломоть хлеба и принялся жевать. Кудрявые светлые волосы всё время падали ему на лоб. Карие глаза он упорно прятал, стоило мне посмотреть в его сторону. Под простой холщовой рубахой угадывались широкие плечи. Судя по тому, как к нему обращались, здесь он был младшим.

— Чего вылутился?! — гаркнул старший брат, по имени Край, густобородый русоволосый детина. — А ну отлипни от девки! Пуцай поест спокойно. Не видишь? Дрожит вся, как осиновый лист.

Я жадно уплетала кашу, заедая её хрустящим хлебом.

— Фпафибо фам... фек не фабуду...

— А звать, звать-то тебя как? — не унималась хозяйка, подливая мне чаю.

Я вытерла губы тыльной стороной ладони и опустила взгляд на крошки хлеба, рассыпанные по столу. Осторожно коснулась одной из них пальцем. Улыбнулась.

— Смула.

— Смулька, сталбыть? Ну и ладно. Жуй, жуй давай Смулька. Слезами не наешься.

В Берестье я попала по чистой случайности.

Паромщик, пообещавший доставить меня к северному проливу за краденый серебряный ножичек, уже собирался отчаливать, когда на борт его дощаника ввалился какой-то лысый толстосум с багровым носом. Тот мигом ополовинил его припасы, подтянул кушак на брюхе и велел разворачивать посудину: плыл он вовсе не на север, а на юг. Потом размахался княжеской грамотой, пригрозив паромщику такими бедами, что тот не решился спорить.

И не то чтобы мне было всё равно, куда плыть. Я поспешно раскрыла толстенную книгу, подаренную Ингой, и из неё выпал маленький огрызок пергамента. Тётя указала точное место, где мне следовало быть: Норельский берег, портовая башня, двенадцатое июля, ровно с седьмым ударом колокола.

«Там ты встретишь друзей, что обязательно тебе помогут», — сказала она.

Огрызок пергамента был помят, а по краям темнели капельки чернил: тётя писала в спешке. Она единственная знала о моём предстоящем побеге, но, похоже, не думала, что он случится так скоро и при таких отвратительных обстоятельствах.

Я крепче сжала пергамент.

— Мы не можем развернуться! Я заплатила этому человеку за то, чтобы он доставил меня...

Толстосум плюнул за борт и направился ко мне, грохоча огромными ножищами-шлюпками.

— Да харкать мне, чаго ты там заплатила, девка! Вот моя грамота от князя Мстиславия! В Берестье надобно доставить тридцать девять этих скатов, покамест они мне тута воздух не попортили!

Я тут же прикрыла нос рукавом. Несколько моряков втащили на борт туши гигантских скатов, плотно утрамбованных в дубовые бочки. Запашок от них шёл далеко не свежий.

В Берестье, как и в других Братских княжествах, была запрещена ловля многих видов рыб. Об этом позаботился Хельмвик, взяв под свой грид большинство южных проливов. Говорили, пошлина на ловлю была такой неподъёмной, что даже князя махнули рукой и приказали морякам вытаскивать на сушу свои некогда прибыльные сети.

Впрочем, находились и те, кто уходил за скатами туда, где хельмвикские дозоры появлялись нечасто.

— Но...

— Никаких «но», девка! Разворачивай своё корыто, Крауль! Через седмицу мне надобно быть в порту Берестья! Ежели не доставишь, будешь иметь дело с княжескими гриднями, это я тебе обещаю!

Паромщик вынул трубку изо рта, натянул картуз на хмурые брови и, под свист ветра, развернул румпель в противоположную от Нореля сторону.

Так я и оказалась в чужих краях — с единственной книгой за пазухой и без всякого плана.

Я бежала из родного дома. Бежала со всех ног, со стыдом, раздиравшим душу, и слезами, застилавшими глаза.

Берестье оказалось княжеством, через которое сходились торговые пути востока и запада. Для беглой Медведицы, за голову которой вот-вот могли назначить награду, место было на удивление удачным. Среди чужеземных купцов, послов, паломников и крикливых проповедников затеряться куда проще, чем в любой приграничной деревне.

Большую часть времени я бродила по лесам, перебиваясь белками, зайцами и кедровыми орехами. В города и деревни выходила лишь в крайней нужде: когда меня ужалил ползучий гад и пришлось искать противоядие или когда лес становился таким глухим, что еды не удавалось раздобыть целыми днями, а то и неделями.

Денег у меня не было. В Бьёнвальде за припасы расплачивались хлебом, солью, шкурами — словом, тем, что действительно могло пригодиться в хозяйстве. На юге же ценились серебро и медь. А значит, приходилось воровать. Часто. В начале осени я стащила с прилавка ещё тёплую булку и кусок копчёной колбасы, не подозревая, что лавочник исправно платит за охрану местной шайке. Так я и познакомилась с восьмёркой разбойников. Один из них остался лежать с раскроенным черепом.

Остальные быстро смекнули, что за голову Медведицы Вигранд заплатит куда больше, чем за украденную булку.

— Только не надавливай сильно. Вот так... осторожно. Козы ласку любят. И когда их меж ушками гладишь тоже. Во-о-от... Видишь? Хвостом машет. Это ей твоё тепло по душе. Продолжай. Нам целое ведёрко надо надоить, пока матушка с поля не вернулась.

— Спасибо тебе, Низарка. Я уж и не знала, как твоей матушке сказать... что, кроме топоров точить, ничего больше-то и не умею.

— Ты, небось, в своём Брукаре знатной барышней была?

— Это ещё почему?

— Матушка таких белоручками кличет. Говорит, только и умеют, что щёки румянить да слугами помыкать. А ты... Ты не такая.

— А какая же?

— Другая. Яська вон к тебе сразу пошла. Видишь, как ластится? Животина злого человека за версту чует.

— Не думаю.

— Почему?

— У нас в... Брукаре есть один обычай. Когда девочка становится взрослой... её вместе с другими выводят к лесу. Ждут.

— Чего ждут?

— Пока её выберет... зверь.
— Какой ещё зверь?
— Кому как повезёт.
— Никогда о таком не слышал.
— Потому что это тайна. Ты умеешь хранить тайны?
— Отроком клянусь!
— Тогда никому не рассказывай. В тот день звери пришли. Выбрали всех. А меня... Даже к лесу не повели.

— Это почему?
— Не время ещё было.
— Кажется, я так ничего и не понял.
— Я тоже. Пойдём. Светоч скоро с охоты воротится. Твоя матушка велела кашу поставить. Умеешь?
— Погоди... Ты и каши никогда не варила?
— Это тоже будет наша с тобой маленькая тайна.

— А это созвездие Царя. Вон, Смугла, видишь три звезды? Это его корона. А вон там — Волчья Пасть. Видишь? Будто клыки на луну скалит. Лучше всего её видно в полнолуние...

— А вон Звезда Захрата. Я читала о ней. Говорят, это самая яркая звезда на всём небе. По ней всегда находят восток. Она светит над райским оазисом посреди Срединных Пустошей. В той книге было написано, что во всём Зараиме нет места красивее. Там течёт лазурный водопад и растут удивительные деревья с длинными листьями. Их называют пальмами.

— Ухты! Хотел бы я залезть на такую пальпу...
— На них растут бананы... и круглые волосатые камни.
— Волосатые камни?
— Говорят, внутри у них молоко.
— Прямо в камне?
— Прямо в камне.
— Ну и чудной народ в этом твоём Зараиме. Нет уж. Расскажи лучше ещё про звёзды.
— Хорошо. Вон там Белый Ворон. У нас в Бьё... в Брукаре говорят: если под его левым крылом видно Воронёнка — жди ранней зимы.

— Вон же он! Раз... два... Все двенадцать звёзд на месте!
— Значит, скоро холода.
— Октябрь к концу подходит. Матушка уже в погреб запасы спускает.
— Слышишь?
— А... Это батюшка.
— Чего это он разорался?
— Яську по двору гоняет. Она ему сапог сжевала.
— Давай, Яська!
— Беги!..

— А ты чего здесь?
— Прости... Край велел плед тебе принести. Потеплее.
— Прямо-таки он и велел? Ну же, не красней.
— Да-да... Он тоже говорил. Но... я и сам подумал, что с этой ветошью тебе будет зябко.
Вот. Держи. Это мой.

— Твой? Низарка, ты принёс мне свой плед?
— Его матушка связала, когда я только родился.
— Спасибо. Присядь.

— И тебе... удобно спать на сене?

— Лучше, чем на буреломе.

— И долго ты по лесам скиталась?

— Долго.

— А знаешь, я тоже однажды потерялся. Батюшка взял меня на охоту. Я побежал за стрелой. Она в дерево попала. А я... за ней. Так всю ночь на сосне и просидел, пока батюшка не нашёл.

— И как?

— Холодно. И комары покусали. Ну чего смеёшься?

— Смешной ты. Мне с тобой... спокойно.

— Спокойно?

— Да. Я ведь с мальчиками никогда не разговаривала.

— Совсем?

— Совсем.

— Это ещё почему?

— Не было их у нас.

— Как это — не было?

— Неважно. Лучше ещё что-нибудь расскажи.

— Завтра с зарёй сено косить.

— Знаю.

— Потом баню топить. А вечеру коров загонять...

— И это знаю.

— Тогда...

— Всё равно останься.

— Зачем?

— Не спится мне.

— Низар?

— М-м?

— Обними меня.

— Вот так?

— Да.

— Замёрзла?

— Уже нет. Спасибо.

Над хутором заходило красное солнце. Холодный ветер позднего ноября ласкал разгорячённые, обнажённые тела.

Я запрокинула голову, отдаваясь его поцелуям. Вплела пальцы во влажные, спутанные кудри. Его руки были нежными и в то же время сильными. Чужими. И почему-то такими родными...

— Смула...

— Тише...

— Смула, я...

Я прильнула к его губам, не дав договорить. Мои бёдра двигались всё быстрее. Он дышал всё чаще, глядя на меня снизу вверх.

— Ты такая красивая...

Я взяла его ладонь и положила себе на грудь. Туда, где сердце билось так быстро, словно я снова бежала.

Бежала от самой себя.

Где-то вдалеке завывали волки. Загавкали дворняжки. Завизжали в стойлах свиньи. Донёсса чей-то детский смех.

Жизнь.

Бёдра остановились. Он тихо всхлипнул и притянул меня к себе. Из влажных губ сорвалась дымка. Шершавая ладонь медленно скользнула по моей спине.

Наши тела обмякли в тёплых объятиях. Мы долго молчали, наблюдая, как всё живое медленно погружается в ночную тьму.

— Смула?

— Да?

— Ты всё ещё хочешь уйти?

— Да.

— Искать то, что потеряли твои родные?

— Да.

Он немного помолчал.

— Неужели это важнее дома?

— Да, Низар. Намного.

Он крепче прижал меня к себе и поцеловал в макушку.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Низар...

Он осторожно взял мою руку и коснулся губами тыльной стороны ладони.

— Выходи за меня, Смула.

Я замерла. Сердце заколотилось чаще.

— Мы поставим свою избу. Переедем от моих. У тебя будет свой угол. Своя печь. Свой сад. А потом... детишки. Я буду охотиться, как батюшка. А ты больше никогда не будешь ночевать в лесу.

Я медленно высвободила ладонь.

— Ты ведь совсем меня не знаешь...

— И не надо. — Он улыбнулся той самой тихой, немного смущённой улыбкой, от которой у меня всегда становилось спокойно. — Останься.

— Спи, Низарка... — Я коснулась губами его виска и закрыла глаза. — Всё будет хорошо. Всё обязательно будет хорошо.

Глава первая

Бри

«Белый Мускат» пах терпким вином и дымом горячих морепродуктов. Негромкий гул разговоров не переходил в привычную брань портовых харчевен и не заглушал ленивый звон начищенных до блеска столовых приборов.

— Риволеннский шов, — сказал мужчина сбоку. — И жемчуг нездешний, — взгляд скользнул по Отте, задержался на линии выреза, где жемчужная нить ложилась близко к декольте. — Вы умеете выбирать.

У него были светлые, густые волосы. Болотного оттенка кафтан сидел ровно, без складок и лишнего блеска. Единственным украшением была небольшая золотая вышивка на правом плече — гордый герб Велларда: золотой аллигатор на тёмно-зелёном поле.

Мерна наклонила голову, улыбнулась.

— Господин Бейлар Ревен. — Она легко коснулась моей руки. — Агнета Ларсдаттир.

— Значит, сегодня меня сопровождают две госпожи из Вигранда, — он склонился ниже, чем требовали приличия. — Те земли, насколько я помню, славятся своей набожностью. И сдержанностью. — пальцы сомкнулись на моей ладони в кожаной карминной перчатке. Губы коснулись костяшек. — Любопытно, как далеко она простирается. Достаточно просто Бейлар.

Я натянуто улыбнулась, сдерживая желание отдернуть руку. Он указал на круглый стол у окна, в стороне от остальных.

— Я забронировал место. Оттуда открывается лучший вид.

Отта прошла первой, не спеша стуча каблуками бархатных сапог. Я двинулась следом, пряча обувь под подолом вишнёвого плаща.

— Ты назвала меня *девственницей*?

— Он любит чистые вещи. Так им легче назначить цену.

Бейлар любезно отодвинул нам стулья. Отта отложила на соседний стул бирюзовую сумочку и села напротив. Я следом.

— А вы... не отдали свой плащ? Мой приняли у входа.

Я пододвинула пустую чашу, заглянула внутрь.

— Я...

— В детстве тяжело переболела, — перебила Отта. — Лекари спасли жизнь. Кожу — нет.

Я медленно повернула голову. Она лишь повела плечом и подняла чашу, давая знак подлить вина.

Бейлар смотрел только в мой правый глаз. Левый почти до половины лица скрывала сеточка дурацкой шляпки.

— Бывает. Сестра после зимы до сих пор прячет руки. — Он подманил пальцем парнишку с кувшином, что-то тихо сказал ему. Тот кивнул и скрылся за портьерами у стойки. — К тому же, тёмный цвет вам идёт.

Чашник вернулся с трубкой. Бейлар раскурил её, выпустил дым.

Я невольно поправила шляпку.

— Не думала, что это заметно.

— Женщины склонны недооценивать свою привлекательность.

Отта опустила подбородок на тыльную сторону ладони. Левая рука «невзначай» легла рядом с его.

— Ещё при нашей первой встрече я заметила этот след.

Он накрыл ладонью её руку. Брови на мгновение приподнялись вверх.

— Не стану лгать. Я носил кольцо. До прошлой зимы.

— Болезнь?

— Она забрала многих.

Отта отняла руку без спешки. Раньше, чем прозвучало привычное:

— Вам не здоровится? Вы холодны как лёд.

Тень ресниц легла на нарумяненные щёки.

— До вас... Я в себе такого не наблюдала.

Купец расплылся в улыбке. Откинулся на спинку, отпил вина и без стеснения разглядывал кулончик теряющийся в её округлостях.

С трудом сохраняя лицо, я увела взгляд в сторону. Из-за угла потянулась лютня. На помост вышла женщина в красном и повела протяжную песню.

Из губ Бейлара сорвалось густое облако.

— Потому ваша история о родных откликнулась мне как нельзя близко.

— Те события давно покрыты тишиной, — вздохнула Отта. — Даже для тех, кого коснулись.

— Неудивительно, что за двадцать лет вам так и не довелось вернуться. У Эрgrimма с Виграндом... непросто.

Мерна покачала головой, опустила взгляд.

— Я знала лишь обрывки. Дядя увёл меня раньше, чем город взяли.

— Повезло. Наместник тогда быстро договорился с Виглейфом. Иначе Эргримм выжгли бы до камня.

Она провела ногтем по узору на салфетке.

— Говорят, долго не называли место, где вспыхнул огонь. Даже заключили пакт.

Бейлар чуть прищурился, в уголках глаз легли морщинки. Отложил трубку на край стола.

— Король пришёл в ярость, когда узнал, что происходило у него под боком. Вы слышали о Тропе Истины? Обитель. Небольшая сначала. Но люди к ней тянулись. Такие вещи редко заканчиваются тихо.

— Напоминает «Песнь Саэрэль». И обитель имени Аскнара... Как же её...

— Общество Трёх Чаш.

Отта резко вдохнула. Вино качнулось и плеснуло мне на грудь.

— Крыс вам в нору... — прошипела я, стряхивая пятно ладонью.

Мерна громко кашлянула. Бейлар, явно не расслышав, тут же подался вперёд.

— Позвольте...

— Благодарю, — я перехватила салфетку раньше, чем он меня коснулся. — Моя кузина любит яркие жесты.

Он на мгновение задержал руку в воздухе, потом откинулся обратно. Пальцы прошлись по вороту, словно стало тесно.

— Вы немногословны. Моё общество вам в тягость?

— Я слушаю. Обычно за такими историями кто-то умирает.

— Говорят, — сказала Отта. — Они наполнили чаши собственной кровью. Добровольно.

Бейлар поднял свою и покрутил её на свету. Она точно умещалась в его ладонь.

— Какого размера чаши вы себе представляете, милые дамы?

— Должно быть, больше той, что вы держите в руке, — предположила я, зная ответ.

— Намного. Такие, в которые человек может опустить руки по локоть... и не коснуться дна.

— И сколько жизней полегло на этот раз?

— Удивитесь?

— Нисколько.

Он улыбнулся так, словно ответ уже назван.

— Мы говорим про обитель, — сказала Отта. — Не думаю, что это возможно.

— Возможно, — ответила я. — Если смерть пришла за ними раньше.

— Большая часть действительно погибла, — подтвердил купец. — Но не по собственной воли. То самое пламя началось именно там.

Мы с Оттой коротко переглянулись. Перед столиком вырос чашник с двумя подносами в руках. На блюдах дымились морепродукты: запечённая сёмга, креветки, щупальца осьминога в белом соусе.

Они легли прямо перед Оттой. Мерна сдавленно улыбнулась. Бейлар встряхнул салфетку, заправил край за ворот.

— Я взял рыбу. После того как в заливе осели Волки, Даргард стал кормиться морем иначе, — он разломил ломоть хлеба, макнул в соус. — Раньше здесь ловили, сколько могли. Теперь — сколько позволяют. Есть места, куда не суются без их слова. Есть — куда пускают за плату. Но Волки платят сами. И платят щедро. Такого улова у Даргарда не было даже в лучшие годы.

Отта незаметно отодвинула блюдо и пригубила вина.

— И как вы относитесь к такому соседству?

— Веллард окружён лесами. У нас хватает рек — смертоносных вод, заселённых аллигаторами. Но выхода к морю нет. А море, как правило, принадлежит тем, кто может за него заплатить. Или отбить.

— У вас острый купеческий взгляд. Говорят, крокодил столь же нежен, как курица. Веллард славится разнообразием блюд и торговлей столь экзотическим мясом.

Я положила осьминога в свою тарелку. Он отдавал лимоном и жевался, как ремень.

Бейлар разобрал вилкой сёмгу.

— Многие вещи приходят с опытом. А насчёт курицы вы абсолютно правы. Если замариновать крокодильи лапки по особому рецепту Вейрана, их легко принять за курятину. В столице умеют готовить их лучше всего. Там этот рецепт передают из поколения в поколение...

Я кашлянула, подавившись осьминогом. С усилием проглотила кусок так, что на глаза навернулись слёзы, и решила мягко перевести тему:

— Тропа Истины... Значит, его люди не проливали кровь. В чём тогда был смысл?

— В том-то и дело, что никто не мог толком объяснить. Когда я бывал в Эрgrimме, я слышал странные вещи. Тогда не придавал значения.

— Какие вещи?

— Вы представляете сектантов одинаково. Кровь, клятвы, нож у горла. Эти были другими.

Отта не притронулась к еде. Мне пришлось заняться её порцией.

— Вы пробыли на моей родине дольше меня, — сказала она. — Интересно услышать ваше мнение.

Бейлар ненадолго замолчал. Подал знак парнишке. Тот вернулся с полным кувшином.

— Они не резали, не приносили жертв. Они отказывались — от оружия, от клятв, от службы.

— Такое удивит поболее трёх чаш.

Он кивнул, оторвал голову креветке.

— Я слышал, что даже люди при мечях уходили к ним. Снимали клинки... и больше их не видели. Их мессия... Сирий. Он говорил о милосердии. О том, что сила не должна служить страху. Именно это и напугало больше всего.

У меня свело скулы. Я огляделась и, пока Бейлар отвлёкся, быстро выплюнула осьминога в салфетку.

— Для короны это куда опаснее любой крови.

Он кивнул. На краю его тарелки лежала кучка креветочной шелухи.

— Люди перестают подчиняться не тогда, когда берут нож. А когда перестают бояться его. Когда это вскрылось... было уже поздно.

Отта пила много, однако глаза её оставались ясными.

— В этом нет ничего нового. Кель-Арим уже доводил эту мысль до Мальдоры.

— Вы читали трактаты?

Она всё же положила сёмгу в тарелку. Подняла пустую вилку к губам.

— Достаточно, чтобы не путать одно с другим. Император Деймар Веллор принял его учения... но не так, как он ожидал.

Бейлар промокнул рот уголком салфетки.

— Удобно принимать то, что можно повернуть в свою сторону. Кель-Арим говорил, что сила не от господ. Что человек не обязан склоняться перед ней. Император слышал другое.

— ...если сила не от бога... значит, она ничья. А всё ничьё рано или поздно становится государственным. — Отта размазала сёмгу по тарелке и принялась чистить креветку. — Ворожеи лечили, кормили себя сами, жили без нужды в короне.

— Это редко нравится тем, кто привык считать чужое. Потому им оставили выбор.

Мерна ловко подкинула очищенную креветку в мою тарелку.

— ... служить... или исчезнуть.

— Признаться, вы меня удивляете. И всё же... вы говорите так, будто видели куда больше.

— Я просто чаще выбираю историю, чем романы.

— Значит, мне остаётся лишь надеяться, что сегодняшний вечер вы оцените по достоинству.

Она приподняла подбородок. Я пощипала щёки, чтобы лицо не выдало лишнего.

К столу приблизился чашник.

— Господин, всё ли вас устраивает?

— Вполне. Попросите открыть окна. Здесь стало душно...

Я отложила вилку и наклонилась к Отте.

— Он сейчас что, торгуется?

— Решает, стоит ли вечер своих усилий.

Стул подо мной скрипнул.

— Вот же...

— Тише. Ты съела две порции. Или забыла?

Я дёрнулась резче, чем хотела.

— И что теперь? Станцевать?

— Улыбаться и пить красное. Мужчины вроде него всегда хотят унести что-нибудь с собой. Пусть даже иллюзию.

Чашник забрал пустую посуду.

— Признаться, я ожидал увидеть за вашим столом хотя бы одного северянина при мече. Вигранд редко отпускает своих женщин так далеко от дома.

— Вы разочарованы, милорд?

— Нисколько. В женщинах меня всегда привлекала тяга к свободе. Она редко делает жизнь спокойнее... зато делает её куда интереснее.

Мерна задумчиво крутила кулон между пальцев.

— В чём же заключается интерес?

— В интриге.

Она понизила голос:

— Расскажите поподробнее, милорд. Я в предвкушении.

Бейлар отложил чашу и вытащил из-за ворота салфетку — чистую, словно ужин давно подошёл к концу.

— Здесь слишком шумно для подобных разговоров. Наверху есть ложи. Там куда проще говорить откровенно.

Я вскочила с места. Стул со скрежетом отъехал назад. Подол плаща натянулся под каблуком.

— Агнет, — протянула Отта. — Неприлично подыматься раньше кавалера.

Я выдернула ткань и уставилась на купца. Он не отвёл взгляда. Лишь медленно переплёл пальцы перед собой.

— Разумеется, ложи рассчитаны не на одного гостя.

Уголок губ Отты дрогнул.

— Какая щедрость. Ещё немного — и моя кузина решит, будто вы нас соблазняете.

— Разве это было бы оскорблением?

Мерна негромко рассмеялась и взяла сумочку в руки.

— Для неё — несомненно.

Бейлар сразу выпрямился, уловив немой знак.

— Боюсь, я так и не сумел расположить к себе вашу кузину, — он поднялся и протянул ей руку. — К счастью, ваша улыбка говорит об обратном, госпожа Анна.

Она вложила ладонь в его.

— Не принимайте на свой счёт. Агнет подозрительна даже к солнечному свету.
Я вцепилась в чашу, оставшись сидеть на месте.

— Господин, — окликнул чашник. — В ложу уже подали десерт и зажгли свечи. Как вы и просили.

— Видите? Даже трактирщик верит в моё обаяние.

— Это потому, что трактирщик знает цену хорошему вину, — мурлыкнула Отта.

Бейлар склонил голову, принимая игру, и посмотрел на меня.

— Вам, полагаю, по душе вещи покрепче.

Я залпом осушила чашу.

— Мне по душе тишина.

— Тогда сегодня я украду лишь одну даму, — мягко ответил он. — И постараюсь вернуть её в прежнем виде.

Отта бросила на меня короткий взгляд поверх плеча.

— Не скучай, Агнет.

Они двинулись к лестнице. Болотный кафтан Бейлара мелькнул между столами, следом качнулся её бирюзовый подол.

Я осталась сидеть одна. Лютя тянула что-то тоскливое, чужой смех плыл между столами, а у меня от вина сводило скулы.

Чашник остановился напротив.

— Желаете чего-нибудь ещё?

— Эля неси.

— Эля нет, госпожа. Но могу предложить белое вино. Лучший сорт. Прямиком из...

— То, что у вас в руках?

— К сожалению, это для другого стола. Но я могу принести вам... госпожа?.. Госпожа! Верните бутылку! Госпожа, вам нельзя туда! Остановитесь! Стража!

Над рынком смеркалось. В лицо бил тёплый ветер, и под небом остались лишь пьяницы да уличные попрошайки.

Я брела меж сворачивающихся ларьков и узких закутков, где изредка мелькали прохожие. На дне бутылки плескалась кислая дрянь. Я приподняла её, вглядываясь в тёмное стекло: «Leikhall Rødvín».

— Ну конечно...

— Эй, ты! Не мусори под моим ларьком! — вякнул торгаш, вколачивая новенькую табличку: «Синяя сирена».

У подножья утёса.

Комнаты. Парные купели. Шёлковые простыни».

Над надписью красовалась пятилистная роза — для многих куда понятнее любых букв.

— Прибыльно нынче обошлось?

— Не твоего ума дело, женщина. Ступай, куда шла.

Я усмехнулась, обернувшись на голоса.

— Хоть яйца возьми...

— Не принимают они монет...

— Вчера мальчишку на ноги подняли...

Из тёмного переулочка тянулась небольшая вереница людей. Женщины с корзинами, старики, парень с курицей под мышкой. Следом по выбоинам волоклась низкая телега. На ней, под сваленными плащами, полулежала бледная девушка. Рядом шагали двое мужчин в просолённых плащах.

— Говорят, и вправду людей поднимают?

Торгаш оглядел табличку и упёр ладони в бока.

— Коли мужик руками лечит — значит, либо святой, либо беда с башкой. А мне с того ни жарко, ни холодно. А ты, чай, не по бабьей беде туда собралась?

— Чего?

— Да к этим обычно либо сдохлыми детьми идут, либо когда брюхо годами пустое. Не тужи. Таких знаешь сколько? Мужья сперва в шею гонят, а потом глядишь — уже в скрад обагриваются да господу служат.

— Добрая у вас тут сказка.

Торговец развёл руками, вытащил из-под полы кулёк и защёлкал семечками. Ропот, детский плач и куриное кудахтанье уже тянулись вниз по улице, уводя людей к пристани.

Я отошла к краю дороги, где заканчивался кирпич. Сорвала с головы шляпку и швырнула под ноги. Где-то ниже, у воды, тоскливо взревел корабельный рог.

Каблук с хрустом вдавил сетку в грязь.

Эйн

Дверца заскрипела, приоткрылась на дюйм. Из щели осторожно выглянули два голубых глаза.

— Это ты?..

Котомка звякнула у сундука. Я улыбнулся. Ясна выскочила в длинной до пят рубахе, врезалась в меня, обхватила ручонками.

— Я тебя ждала!

Я поцеловал её в макушку. Коса пахла знакомо. Так, что кольнуло под рёбрами.

— Знаю.

Она отстранилась, быстро огляделась, будто проверяя, не исчез ли я. Я отдёргнул полог, развалился на подушках, закинул ногу на ногу и вынул фляжку.

— Иди. Не бойся.

Она подползла ближе, села напротив, теребя косу. Я сделал глоток, потёр глаза.

— Чем займёмся? — Её пальцы замерли на бантике. Я выждал, снова отхлебнул. — Ну?

Ясна склонила голову, выводя пальцем узоры на простыне.

— Старшие сёстры... учили нас... Они говорили о мужах. И о том, как доставлять им...

Я резко прочистил горло и с грохотом откинулся на изголовье. Дерево больно врезалось в плечи.

— Тебе это не нужно.

Она подняла на меня глаза.

— Не нужно?

— Нет. И не сейчас.

— Но сёстры говорили, что это обязанность...

Я сжал фляжку, сделал глоток и задержал дыхание.

— Сёстры много чего говорят.

Она нахмурилась так упрямо, что складка легла между бровей.

— Они сказали, что ты будешь кое-что делать. И это будет неприятно. Сначала.

Я уставился в пустую фляжку.

— Понимаешь... — я резко поднялся, с треском выдрал из сундука крышку. — Я ничего не буду делать.

Она следила за моими руками.

— Тогда зачем ты приходишь?

Я кинул крышку на постель, вытащил из кармана мелок.

— Чтобы ты не скучала. Чтобы умела играть.

— Играть?

— Да. Как ребёнок.

Она замотала головой, но взгляд уже прилип к крышке. Я протянул ей мелок.

— Черти клетки.

— Клетки?

— Просто линии. Я покажу.

Она осторожно провела первую, прикусив язык от старания.

— Так?

— Почти. Ровнее.

— Сложно.

— Делай.

Ясна старательно выводила сетку, сбивалась, стирала пальцем, и снова чертила.

— Но младшие сёстры тоже называли это игрой...

Я тихо выругался, подхватил котомку, и высыпал фишки на крышку.

— Значит, будем играть по-моему.

Она смяла подол рубахи, потом осторожно взяла одну фигурку, покрутила.

— Это как петтейи, — взгляд её погас. — Дедка любил. Когда наберётся...

— В «Осаде» думают быстрее.

— А это... будет неприятно?

Я бросил взгляд на дверь. В коридоре стояла тишина.

— Да. Если будешь думать.

Она кивнула серьёзно, по-взрослому, и поставила первую фигуру.

— Не на ту клетку, — с улыбкой поправил я. — Ты ходишь белыми.

Где-то за стенами пробил колокол. За дверью уже звенели шаги нового караула. Ясна смеялась, запрокинув голову, и я только теперь понял, сколько прошло времени.

— Нет, так нельзя! — запротестовала она, накрывая фишку ладонью.

Я подпёр голову рукой, лениво перекатывая кость между пальцами.

— В «Осаде» всё дозволено, если у тебя хорошая рука и плохая совесть.

— А у тебя — и то и другое!.. — она вдруг замолкла, захлопав глазами. — Ты смеёшься. Я не видела, чтобы ты смеялся.

Я пожал плечами, отхлебнул из бурдючка.

— Бывает.

Она смотрела на меня чуть дольше обычного, словно пыталась запомнить лицо. Не то, что ходит по коридорам Чертога.

— И когда бывает?

— Когда забываю, где нахожусь.

Она притихла и опустила взгляд на доску.

— Тогда давай играть до утра.

— Соревнование в суетных играх, — я нарочито вздёрнул подбородок, как это делал чтец, — возбуждает дух противления, воспаляет азарт, рождает дерзость ума. А дерзость ума — первый шаг к падению.

Ясна захохотала, рухнув на спину. По хрустящей простыне рассыпались длинные русые косички. Она хвасталась, что молодая наставница по утрам заплетает ей чудесные колоски и корзиночки, какие больше никому не делают.

— Ха! У вас плохим называют всё, где нужно думать и веселиться.

— Ибо где мысль свободна — там встаёт сомнение. Где звучит смех — рушится страх. А где рушится страх — там гибнет власть... — Я коснулся пальцами губ и осенил её Светом.

Ясна послушно наклонила голову, но глаза её всё равно смеялись. Я передвинул фишку пальцем.

— Чем вас там вообще занимают в Чертоге?
Она постучала пальцем по губам.
— Молитвы. Пение. И рукоделие.
— Рукоделие?
— Нас учат вышивать... эти... как их... Ну... лица.
— Лики?
— Да! Лики. Нам раздали шкатулки с бусинами и камешками. И я один маленький гобелен почти довышивала.
— И как вышло?
Ясна сморщила нос.
— Сначала я потеряла напёрсток и исколола себе все пальцы! А потом мне показалось, что этот ваш... Отрок... очень грустный.
— Грустный?
— Ну... лицо такое... будто он страдает. Мне стало его жалко, — она подвинула фишку на две клетки и добавила с гордостью: — И я пришила ему улыбку.
Я не выдержал и расхохотался.
— Смело.
— Я просто подумала... если он святой, зачем ему всё время быть грустным? А потом у меня забрали нитки. И бусины. И камешки! И больше не пускают в рукодельную келью.
— Думаю, перед этой иконой, наставницам понадобится больше времени на молитвы.
Она захихикала, прижала щеку к плечу, как лиса, которая ни о чём не жалеет. Я кивнул на доску.
— Ходи.
Ясна приподнялась на локтях и нахмурилась, разглядывая клетки. Её костяные фишки сбились в кучку у края, одна стояла отдельно, без прикрытия.
— Если я сюда... ты не выбьешь?
— Попробуй.
Она прищурилась, словно ловила меня на обмане, и всё-таки сделала ход. Я покачал головой.
— Эту не защищают.
— Её съедят?
— Если останется.
— Значит... она уходит?
— Бежит.
— Куда?
— Куда получится.
Она замерла над доской.
— А если догонят?
Я встретил её взгляд.
— Значит, плохо бежала.
— А если спрятаться?
— Лучше не попадаться.
— А отсюда... тоже можно уйти?
Я сделал глоток. Провел ладонью по её волосам.
— Тебе не нужно.
— Почему?
— Потому что я здесь.
Она задумалась, глядя на клетки.
— А если тебя не будет?

— Тогда не думай. Беги. Со всех ног.

— И не оглядываться?

Я кивнул, серьёзнее, чем намеревался.

— Ни разу.

Ясна фыркнула и стукнула кулаком по доске. Фигурки подпрыгнули. Моя, чёрная, прошла вперёд и сбила её одиночную.

— Не повезло.

— Ты специально...

Я закинул руки за голову, растянулся на подушках. Рубаха задралась, обнажив старые шрамы у живота.

— Я предупреждал.

Она надулась, возвратила фигурку назад. Взгляд её задержался не на доске. Она замерла. Потом подползла ближе, опускаясь на колени. Долго молчала, покусывая нижнюю губу.

— Всё... в порядке?

Я почувствовал мягкое прикосновение у живота. Подушечки её пальцев коснулись неровных шрамов там, где распахнулась рубаха. Она провела по ним медленно, едва касаясь. Словно проверяла — остались ли они настоящими.

Я приподнялся на локтях. Улыбнулся криво.

— Твоя работа.

— Раньше я могла... Вот так.

Ясна опустила взгляд. Ладонь поднялась над шрамами, дрогнула — и замерла. Ничего не произошло. Мне показалось, от неё шло тепло. Сильное, для обычной детской ладони. Она отняла руку. Посмотрела на свои уколотые пальцы.

— У меня её больше нет. — Глаза заблестели.

Я накрыл тыльную сторону её ладони.

— Ты уняла мою боль.

По румяной щеке потекла слеза.

— Я думала... теперь так будет всегда.

Я притянул её ближе. Ясна свернулась калачиком, уткнулась мне в грудь.

— Раньше это было... как искры в пальцах. Я могла зажигать свечи. Или согревать воду. Но здесь слишком много сандала. Сначала у меня ужасно горело горло. Давило грудь. Как будто я выпила раскалённого масла. В келье были девочки. Они тоже были ворожеями. Мы почти не могли есть и пить. Потом нас стали поить отварами. Горькими. Говорили, так тело станет... спокойным.

— Спокойным...

— Сначала всё просто исчезло. Сандал перестал душить. А потом я перестала чувствовать... огонь, — она коснулась пальцем моей ладони. — Даже здесь.

Я сжал её пальцы.

— Они забрали у тебя то, чего не понимали.

Ясна кивнула, хлюпнула носом и уткнулась лбом мне в плечо. Я бросил взгляд к окну. Закат уже полз по камню, пробивался сквозь резное кружево. Тусклый и холодный.

— А тебя?... Тебя там не... забрали?

Я усмехнулся краем губ, нахлобучил на лоб очелье.

— Почти.

— Ты ведь останешься?

Я небрежно накинул на плечи плащ.

— Не сегодня.

Она задержала взгляд на красном бархате. Медленно отодвинулась, прижимая к груди подушку.

Что-то изменилось.

Она смотрела уже не на меня.

— Потому что тебе нужно идти на войну? Делать то же... что делали они?

Я подтянул ей одеяло выше плеч. Она крепче сжала ткань.

— Но ты же зорец... Ты будешь таким же... как они?

Я потянулся к ней, но Ясна вжалась в изголовье.

— Я не причиню тебе вреда.

— Они тоже так говорили... — она отвернулась, прижимая к груди подушку. — Говорили Купаве, чтобы она открыла хлев. Ей пришлось открыть... чтобы они всех нас не сожгли.

— Ясна...

— Я видела её. На дереве. Совсем голую. Волосы закрывали ей лицо. Я кричала. Думала, она сейчас поднимет голову. Но её окружили зорцы. Я не видела её больше. Только красные плащи. И смех... — Она закрыла уши. Зажмурилась так, что покраснело лицо.

— Ясна. Послушай.

— Не трогай меня.

Я медленно отнял руку.

— Я могу остаться. Лечь в кресле. Ты только...

— Нет! Уходи!

— Ясна...

— Уходи! Уходи! Уходи!..

В дверь тяжело ударили.

— Что там у вас?!

Девочка вздрогнула и натянула одеяло на голову.

— Эй! Чего разоралась?!

Я поднялся.

— Всё в порядке.

— Тогда заткни её! Сейчас все палаты на уши соскочат!

Я поднял котомку. Ясна громко плакала, уткнувшись в подушку.

— Я приду. Как только смогу. Обещаю.

Она не посмотрела на меня.

\\

Глава вторая

Бри

Ноги вязли в песке и тине. У берега кренился низкий кожаный шатёр. Брезент хлопал от сырого ветра. Наспех вбитые колья уходили в мутную отмель.

Вдоль берега тянулась очередь. Люди жались к воде, кутаясь в плащи. Старик кашлял в рукав. Матери сидели на мокрых брёвнах, прижимая к себе детей. Женщина впереди держала мальчика лет пяти. Тот выгибался, подтягивая колени к животу. Лицо пылало, губы побелели от сухости.

У шатра маячил худой мужик в промокшем подряснике, назло перекрывая вход.

— Сказано вам: исцелять может только десница господня! А это что?! Бесовщина!

Очередь раздражённо зароптала. На крикуна никто даже не поднял глаз.

— Пропустите... бога ради... — женщина коснулась плеча старухи впереди. — У него жар. Он не может даже...

Мальчик всхлипнул, когда она попыталась выпрямить его.

Старуха крепче прижала к груди узелок.

— У всех болит. Я здесь с рассвета.

Старик с клюкой недовольно цыкнул.

— Думаешь, твой один помирает?

Мать прижала мальчика крепче и опустила взгляд.

Крикун ткнул пальцем в очередь.

— Потому и горит, что к ведмам таскаете! Думаете, бес даром лечит?! Наивные болваны!

— Долго ещё?! Там опять латники шастают!

— Скоро и этот шатёр прикроют к чертям, — старик откашлялся в рукав. На ткани проступили тёмные пятна. — После того как беса с помоста стащили... недолго нам здесь стоять осталось.

Сбоку от входа топтались двое мужчин в просолённых плащах. Один то и дело заглядывал под полог, сжимая в кулаке мокрую шапку.

— Ждите, — буркнул молодой, косо глянув на очередь. — Там моя сестра.

Он поправил нож на верёвочном поясе и снова уставился на шатёр.

Я спустилась ниже по зыбучему склону, к ивовым кустам. Толстые корни, склизкие от тины, тянулись до самой воды.

Крикун вскинул руки к небу.

— Всех вас покарает! Ещё узрите его гнев!

Из-за полога доносились приглушённые голоса. Я пробралась ближе, цепляясь за мокрые ветви ивняка. Под сапогами чавкала тина. У самого шатра в грязи копался маленький поросёнок.

— А ты откуда взялся?

Он хрюкнул, разглядывая пиявок в корнях. Я осторожно приподняла полог.

— Подвинься.

Свин даже не шелохнулся.

Между швами брезента чернела щель. На низкой лавке сидела молодая девушка. Одной рукой она тяжело упиралась в край сиденья, другой прижимала живот. Подол длинной рубахи пропитался кровью.

— Мне... сказали... врачеватель мужчина... — выдавила она, глядя на скрадницу рядом. — Я пришла к святому... а попала...

Голос сорвался. Девушка зажмурилась и тихо вскрикнула от новой боли. Скрадница накрыла её руку ладонью в перчатке. Склонилась ниже, что-то шепнула.

Та сразу замотала головой.

— Нет... нет... — Пальцы судорожно вцепились в мокрую ткань. — Это ведмаство...

Из-за плетёной ширмы вышла женщина с жёлтой лентой на лбу. Волосы кое-как стянуты в пучок. Белая полотняная одежда была в карминных пятнах. Она быстро опустилась перед девушкой на колени и поставила на столик медный поднос. На нём лежали длинные иглы, зажим и узкие железные крючья, вываренные до тусклого блеска. Между инструментами темнели бурные тряпки.

Лекарка потянулась к подолу рубахи, но девушка дёрнулась назад. Кровь уже стекала с лавки густыми каплями.

— Не трогайте... позовите целителя...

Сидевшая рядом скрадница крепче сжала её руку. Лицо её болезненно дрогнуло.

— Ты теряешь дитя. Без помощи тебе не выжить.

— Нет!..

Лекарка взяла с подноса длинный железный зажим и коротко взглянула на скрадницу.

Та кивнула.

— Имир!.. Фим, пожалуйста!..

Услышав шаги, я прижалась спиной к опорам. Полог дрогнул под моим весом. Внутри уже кричали мужские голоса.

Я снова подползла ближе.

— Я так и знал! — мужчина постарше схватил девушку за плечи и рванул к себе. — Убери от неё эту дрянь! Аскнарова сука!

— Имир!.. — девушка разрыдалась, уткнувшись ему в плечо.

В шатёр влетел худощавый крикун, вопя что-то о каре господней, но парень помладше схватил его за шиворот и вытолкнул прочь.

— Заткнись уже!

Лекарка медленно поднялась. Имир устался на железо в её руке так, словно перед ним подняли мясницкий нож. В глазах его застыл ужас. Он крепче прижал жену к себе.

— Утробница! Я не позволю тебе забрать моего ребёнка!

Скрадница вскочила с места.

— Там нет больше ребёнка! Если вы помешаете — она истечёт кровью...

— Молчи! Ты помогаешь этой сволочи убивать чужих детей! Фим! Уводим её!

Парень шагнул вперёд.

— Я это так не оставлю.

Лекарка отложила зажим на поднос. Скрадница обернулась к ней, будто прося вмешаться. Но женщина не произнесла ни слова. Лишь указала на выход.

— Не слушай их, — Имир гладил жену по мокрым волосам. — Господь испытывает тебя. Мы будем молиться.

Она едва заметно качнула головой. Колени её подогнулись.

— Идём... идём отсюда...

Фим задержался у выхода.

— Думаете, люди и дальше будут тащиться сюда со жратвой и медяками, когда узнают, что у вас тут творится?

Скрадница собралась ответить, но немая вдруг схватила её за руку. Пальцы впились в ладонь сквозь перчатку. Скрадница ахнула, зажмурилась. Потом медленно открыла глаза. И отшатнулась. Взгляд застыл на женщине.

Фим ткнул пальцем в сторону берега.

— Там сидит половина побережья. И все узнают, что здесь творится!

Крикун уже надрывался снаружи, собирая вокруг себя голоса.

Парень сплюнул на пол.

— Скоро за вами придут. И правильно сделают, — он отдёргнул полог и вышел.

Внутрь больше не вошёл никто.

Скрадница отступила на несколько шагов.

— Как... ты это сделала?

Лекарка молча вытерла руки о тряпку.

— Ты говорила со мной. Без голоса. Я слышала тебя... Они правы?.. Ты тоже... из них?..

Немая подошла ближе. Скрадница помедлила, прежде чем вложить ладонь в её пальцы. Губы её дрогнули. Взгляд застыл. Потом она медленно опустила голову.

— Этот запах невозможно скрыть. А хуже... — она сняла перчатку. — Невозможно унять боль.

Кожа на её руке почернела пятнами. Пальцы распухли и потемнели, ногти потрескались у основания. Рука выглядела мёртвой. Только пальцы всё ещё дрожали от боли.

Я невольно подалась ближе. Ветви хрустнули под сапогом. Поросёнок отпрыгнул, расплескав воду.

Скрадница быстро отвела взгляд и прижала ладонь к груди.

— Я пришла к вам за помощью. Они обещали помочь... я не знала, к кому бежать... но это... не дар. Проклятие... Уйти?.. Н-но мне сказали...

Лекарка отняла руку и покачала головой.

Скрадница подняла полные слёз глаза.

— Мне не к кому больше идти!.. Они дали мне седмицу... Седмицу, чтобы попрощаться... — она судорожно вцепилась в её руку. — Видели бы вы... Видели бы вы, что они сделали с моей малышкой...

Она упала на пол и закрыла лицо, громко рыдая.

— Мне пришлось... Господи, прости меня... Мне пришлось сделать с ней такое... чего мать не должна делать никогда...

Женщина с лентой сложила инструменты на поднос и молча унесла его за ширму.

— Что здесь за шум? — устало спросил человек в дорожном плаще верхом на сером осле.

Очередь уже редела. Люди шумели, выкрикивали проклятия и швыряли в него камнями.

— Душегубы!

— Бес! Аскнаров родич!

— Святого из себя строил! А сам якшался с ведмай!

— Ви-и-и-и!.. — свин сорвался с места и ринулся незнакомцу.

Я вскинула руки — не успела. Берег поплыл под сапогами и меня дёрнуло назад. Я ухватила за ветку, но та с треском надломилась. Я успела упереться коленом в корень и замерла над самой водой.

— Там кто-то есть! — заорал крикун.

Незнакомец в плаще прыгнул с ослы, загородив его собой, и поднял руки. Осёл попятился назад, хлюпая копытами в тине.

— Да послушайте же...

— Они хотели убить мою сестру! Вырезать дитя из её брюха!

Женщины ахнули, осеняя себя Светом. Дети жались к юбкам. В толпе уже поднимались ножи и дубинки. Мать с больным ребёнком тихо плакала на бревне, прижимая его к груди. Мальчика знобило от лихорадки.

Незнакомец шагнул к толпе.

— Вы пришли за помощью. И мы поможем. Если позволите.

Колено прострелило болью. Ко мне уже продирался крикун, вопя и тыча пальцем в сторону кустарника.

— Ведма! Вон она! — Костлявая пятерня вцепилась в мой капюшон.

Я резко дёрнула его на себя. Крикун захлебнулся воплем. Локоть с хрустом врезался ему в висок. Он рухнул в воду. Я подхватила его под руки и утащила выше, в ивняк. Тина чавкнула под сапогами.

Сверху всё ещё орала толпа. Старик с клюкой закашлялся лаем.

— Хватит! И так уж людей мрёт без вас!

В полог шатра с визгом прошмыгнул свин. Я вынула кинжал и затаилась среди мокрых корней.

— Позвольте хотя бы осмотреть ребёнка, — сказал незнакомец, всё ещё не опуская рук. — У него жар. Живот уже раздуло. Если кишка лопнет — он умрёт.

Мать сильнее прижала мальчика к груди.

— Нет! — Фим вскинул нож. — Ни к одному ребёнку ты больше не прикоснёшься!

— Да послушайте же...

— Детей ему подавай!

Толпа заревела громче. Женщина в слезах поднялась с бревна.

— Идём, сынок... идём...

Мальчик тихо застонал, уткнувшись лицом ей в шею.
Старик стукнул клюкой по камню.
— Убирайтесь. Покуда вас не спалили.

Когда мужчина в плаще вошёл в шатёр, внутри уже почти ничего не осталось. Он настороженно огляделся. У входа лежали дорожные тюки, свёрнутые одеяла, притороченные к мешкам котелки. Всё было стянуто ремнями и приготовлено к дороге. Скрадницы тоже нигде не было. Только поросёнок застучал копытцами, обнюхивая его сапоги.

Из-за ширмы вышла женщина с жёлтой лентой. Опустив на пол сундук, она не подняла глаз.

— Ты знала, чем это закончится. Я предупреждал тебя. Нам нельзя вмешиваться, — он указал на собранные выюки. — Наше дело — лечить. Помогать людям пережить ещё один день. Уходить, пока нас не начали искать. Отзываться, только если позовут. А ты что делаешь?

Женщина вскинула подбородок. Незнакомец подошёл к лавке. На дереве и полу темнели засохшие пятна крови.

— Сколько ещё таких ходит по Даргарду, Тайна? Со сколькими ты говорила?

Она коснулась его плеча.

— Этот человек мёртв, — перебил незнакомец. — Высший слушник сказал, что в него вселился бес. Что? Обещали помочь? Это говорилось для толпы. Не для нас.

Тайна отняла руку.

— Я сделал что мог. Но меня прогнали прочь. — Незнакомец стянул капюшон; тёмные курчавые волосы упали на плечи. — Я нужен был здесь. А теперь нас снова гонят дальше. Скоро и Заливск начнёт жечь шатры.

Поросёнок хрюкнул, поднялся на задние копытца, упираясь в его ногу. Мужчина поднял его на руки и провёл ладонью между ушами.

— Вы — всё, что у меня осталось. Я не могу снова остаться один.

Немая долго смотрела на него. Потом шагнула вперёд... и будто отдёргнула сама себя. Рука застыла в воздухе. Она мотнула головой, прижала кулак к груди и поспешно вернулась к тюкам.

— Тайна?.. Ты хотела сказать?

Она затянула бечёвку на мешке. Мужчина опустил поросёнка и развернул её за плечо.

— Я знаю этот взгляд.

Тайна стиснула челюсть и попыталась отвернуться. Потом резко поднялась и пнула мешок. Тот отлетел в брезент. Шатёр дрогнул.

Незнакомец перехватил её руку.

— Что?.. Чёрная рука? Так вот почему пахнет гнилью...

Тайна быстро показала что-то пальцами.

— И ты отпустила её? Ты хотя бы спросила, где их искать? Ты же знаешь, как это важно для меня. — Она отвела взгляд. Мужчина быстро прошёл к ширме, сдвинул ладонью лицо. — Они были совсем рядом... Где живёт эта женщина?.. Не знаешь?! Она была здесь. Здесь. И ты даже не попыталась...

Тайна свистнула, прижав пальцы к губам. Свист вышел хриплым, надломленным. Где-то снаружи тревожно заревел осёл. Незнакомец едва раскрыл рот, но та всучила ему мешок и указала на выход.

— Да... да... латники, — рассеянно проговорил он. — Я обещал покинуть Даргард. Сегодня.

Эйн

Ночь стояла тёмной.

С запада надвигались густые тучи, скрывая звезды. По закоулкам шастали голодные псы, скалясь на редких прохожих. Из города тянуло жареной рыбой и кислым вином. Где-то хлопнула дверь кабака. Половая щедро выплеснула на дорогу помой и в переулке раздалась пьяная ругань.

Я вывел Оливку к порту, спрыгнул с седла. Лошадь заржала, мотнув мордой в сторону света и криков. У костра, гогоча и латая сети, бухали портовые моряки.

Я натянул повой по самые глаза и направился к ним. На плечах лежал плащ, в котором меня когда-то вывезли из Вигранда; на ткани темнели пятна крови, рукава и бока пошиты латками. Одежда, в которой не должны были узнавать.

— Драккары где нынче стоят?

Один, чистивший нож о сапог, вскинул взгляд.

— Смылись. И слава Свету.

Тот, что в фуражке, подбросил в костёр пару прутьев и фыркнул:

— А тебе-то варяги на кой сдались?

Я пожал плечами, удерживая повод.

— Слыхал, у них... товар особенный.

Моряки переглянулись. Первый, в прожжённой фуфайке, вонзил нож в песок.

— А-а, так вот оно что. Да за такой товар не грех и с песком в портках на дно пойти.

Если понимаешь, о чём я.

Мужики заржали, грохоча бочонками. Медовуха плеснула на рукава. Фуражечник откусил голову сушёной рыбине и кивнул в сторону темнеющего залива.

— Варяжки теперь в соседних водах стоят.

Я прищурился. Под утёсом Сторожевой челюсти, в тумане за чёрной водой, качался знакомый силуэт «Шальдмэр».

— И что, правда, как болтают?

Третий сидел в тени, поодаль от костра. Фыркнул, ковыряя сеть:

— Болтают много. Но не радуйся раньше времени. Здесь они не охотятся.

— Договор, — буркнул фуражечник. — Стоят — и ладно. Мужиков не трогают. — Он подмигнул. Борода блестела от мёда. — По закону.

Первый похлопал по ремню на округлом брюхе.

— Хотя... если рыбка улыбнётся... У нас один такой счастливчик нашёлся.

— Нашёлся.

— Третий день бредит. И всё зовёт её обратно.

— А кикиморы той и след простыл. У этих баб так всегда. Душу вывернут — и ищи ветра в море.

— Да лучше уж без души остаться, чем без рожи! — хохотнул фуражечник, кивая на третьего.

Тот не обернулся. Буркнул что-то и подтянул сети ближе.

— Чего они ушли-то?

— Потому что царица ихняя башку одному графёнышу сняла, — ухмыльнулся первый, будто его это забавляло.

— Кальдерийскому, — фуражечник кивнул на лиловые стяги, покачивающиеся на горизонте. — Теперь варягам здесь тесно. Седобород велел: убирайтесь, куда гости о мести не вспомнили.

— И правильно сказал. А то началась бы резня.

— Вот они и стоят теперь в Даргардском заливе. Пока всё это не уляжется.

Щурясь от песка и ветра, я набросил капюшон и глянул в сторону медного флага дальних, соседних скал.

— Чем пошлину платят?

— Коршак их терпит. Пока варяги стоят, пираты обходят залив стороной.

Первый мечтательно загляделся на дырявые сети.

— Да и рыбы с тех пор больше стало. Бабы, молвят, у них поют... И косяки сами к сетям идут.

— У берега ладья стояла. Её тоже варяги утащили?

Моряки переглянулись. Фуражечник указал в сторону воды. У самой кромки песка под ветром хлопала грубая попона. Под ней угадывались тёмные доски корпуса.

— Курва тут одна проходила. Кудрявая. Руки быстрые. Личиком... удавшаяся.

Первый закашлялся от смеха, ткнул локтем третьего.

— Нравом... нездешняя.

Они заржали на пару. Третий сдавленно выматерился, сплюнул в песок и потянул нитку, сеть закрипела. Он повернул голову. Лицо его было рассечено свежим шрамом от уха до губы. Глубокий, кривой. Наспех перешит грубыми нитками.

Первый вынул из песка ножик, повертел его в пальцах. Остриё блеснуло в свете костра.

— Заплатила она нам, чтоб лодку не трогали. Сказала, придёт человек. Заберёт. Может, ты и есть тот самый человек. Только знаешь как... лодка лодкой, а присмотреть за ней — дело хлопотное.

— Хлопотное.

— Так что, если она тебе и правда нужна... придётся уважить наш труд. Не зря же мы тут вёслами с утра до ночи гребём.

Я подтянул перемётную сумку у седла, развязал шнур и вынул узелок. Оливка перебрала копытами, увязая в мокром песке.

— Чем богат. Авось не обидел.

Первый подковырнул ножом шнурок. Монеты звякнули о песок.

— Слыхал я... Обычные путники так не платят.

— Да брось. Наше дело лодки сторожить, а не людей разглядывать. — Фуражечник сгрёб серебро обратно в мешочек и повязал его на поясе. — Добро. Забирай свою ладью. А кобылу можешь оставить у нас. Один хрен, мы здесь до самого утра проторчим.

Я покосился на третьего. Он уже сидел спиной.

— Не скучай, — я погладил чёрную гриву и обмотал повод вокруг старой сваи. Оливка храпнула, уткнувшись мордой мне в плечо.

Я отступил к кромке, стащил попону с лодки, толкнул ладью в воду. Мокрые доски заходили под сапогами. Я взялся за вёсла.

Лодку медленно потянуло от берега.

На двери каюты висел молоток — волчья кость, перевитая сухими водорослями.

Я отбросил капюшон, стянул повой, и постучал дважды.

— Kom inn, — бросила вождица.

Занавесь колыхнулась. В лицо ударило теплом и запахом воска. Она лежала на седых шкурах, спиной к изголовью. Ни стыда. Ни страсти. Только спокойная власть, от которой не отводят взгляд.

Я остался у порога. Дальше начиналась их стая. Слева от Илвы мерна устроилась на колёнях за спиной Эрика, вплетая в его косы кожаные шнурки. Из её горла текла тонкая мелодия на древнем наречии. Пальцы не сбивались с ритма. Я не понимал ни слова — и всё же казалось, что песня знает меня лучше, чем я её.

Викинг лениво глянул на меня поверх турьего рога. Локоть лежал на колене. Лицо усталое, довольное — как у того, кто отдал всё и ничего не потерял.

— Ты вовремя, — мурлыкнула мерна с тёмно-синими волосами. Она улыбнулась, заметила, куда я смотрю. Кожа на груди казалась тонкой, почти светящейся в огне свечей.

Вождица Хельмвика смотрела мне в глаза.

— Дуфа. Вы свободны.

Мерна послушно стекла с ложа, прихватила шёлковый халат. Не запахивая пояса, она прошла мимо, плавно покачивая бёдрами.

— Присоединяйся в следующий раз.

Эрик провёл ремнём по запястью, склонился, коснулся губами плеча Илвы.

— Dróttning.

— Уложи Акке. Я покормила его. Он сыт.

— Ноа уже спит. Лив отказывается засыпать без тебя. Она будет ждать.

Илва коснулась его руки.

— Знаю. Передай, что мама задержится.

Эрик кивнул и поцеловал костяшки её руки. Прихватив свой рог, он с ухмылкой окинул меня взглядом и скрылся за занавесью. Илва молча сняла крышку со штофа, налила вина в кубок. Алая капля сорвалась с края и потекла по шее, по серебряным кольцам на твёрдых сосках.

— Ну? — она поднесла кубок к губам.

— Больно, должно быть.

— Боли бояться те, кто не умеет получать от неё удовольствие.

На мгновение мне показалось, она говорит не обо мне — о мире, о море, о войне.

— Ты ведь не из тех, кто боится, верно?

— Верно.

— Это хорошо. Те, кто боится боли, потом бояться выбирать.

Я сложил руки на поясе, собираясь с мыслями.

— К слову о выборе...

— Мне кажется, или ты стал выглядеть хуже? — она провела ногтем по своей скуле, оставив белую бороздку. — Зорь, молвят, не славится плюшками и красной икрой, как княжа любит хвастаться.

— Несмотря на это — я останусь при службе. На этом всё.

Вождица тронула уголок губ. Палец неспешно провёл по груди, собрал алую каплю и отправился на язык. Я не ожидал, что ответ будет настолько бесстрастным.

— Твоя воля. Возьми я цепь — мои Волки давно превратились бы в собак.

— И это всё? После всего, что вы сделали?

Она отпила вина, глядя в кубок.

— Совершенно.

Я задержался ещё ненадолго. Илва молчала, потягивая вино, словно меня здесь уже не было.

Я кивнул и развернулся к двери, приподняв занавесь.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — догнало меня в спину. — Война — не всегда кровь. Настоящий предатель — тот, кто стоит в стороне.

Дверь закрылась за мной без звука.

В голове всё ещё звенели её слова.

Ход стоял тихим, тёмным. Лишь ветер свистел за стенами, доносил обрывки детского смеха и плача. Сложно было привыкнуть к тому, что здесь есть дети.

Ладонь скользнула в карман. Я выругался сквозь зубы.

— Где тебя носило?!

Женский крик ударил со стороны трапа.

— *Меня где носило? Где была ты? Трахала этого... извращенца, пока я...*

— *Ну?*

— *Я упустила их.*

— *Кого их?*

— *Они были совсем рядом. Она... она была. И успела смыться, пока я отвлеклась на этого...*

Кто-то зарычал так, что волчица на верхней палубе ответила воем. Бортовой щит лязгнул от пинка и рухнул на доски. С канатов вспорхнули чайки.

— *Да когда же ты уймёшься...*

Я шагнул в тень под лестницей, ведущей наверх, и привалился плечом к сырому борту.

— Отта, ты не понимаешь, — берсерка схватила мерну за плечи. В глазах её горел изумрудный огонь. — Я видела женщину. С гнилой по локоть рукой. Она пришла за помощью к... да не важно. Магия Крови и лекарства здесь бессильны...

— Ты видела чернокнижницу?

— Не знаю. Она... будто не до конца почернела.

— Использовала магию лишь раз. Этого достаточно, чтобы процесс уже нельзя было обратить.

— Она умрёт?

— Нет. Если будет питаться.

— *Vjørnfelle! Forbanna skog!* — Берсерка взорвалась бьёнвардским говором.

Среди рычащих слов я разобрал только одно — «медвежий капкан».

— Все эти проклятые птицы! Они меня к поднятой и на бросок топора не подпустили. Она же теперь из терема клюва не кажет.

— Разумеется, Бруна. Её живём сожгли на костре. Когда меня пустили на дно с камнем на шее... пойми её. Она ещё долго никому ничего не расскажет.

Берсерка осеклась, провела ладонью по лицу и уронила лоб на мачту. Бордовый плащ промок и потемнел от воды. По сапогам и штанам засохла речная тина. В мокрых, тронутых ветром кудрях застряла ивовая ветка. Выглядела она так, будто выбралась напрямик из трясины.

— Как прошло... свидание? Надеюсь, руки у него оказались умелее, чем язык.

Отта — так называла её берсерка — улыбнулась.

— Скажем так... теперь я понимаю, почему вокруг него было столько шума.

— Он жив?

Мерна молча отдернула бирюзовый подол от задиры на досках и оправила сияющую ткань.

— Отта?

— После трёх штофов вина он не сразу осознал весь... спектр представленных ему возможностей. Но оказался достаточно умён, чтобы не тратить наше время впустую.

Берсерка шумно выдохнула и накрыла ладонью глаза.

— Однако, — невозмутимо добавила Отта, — я решила, что он ещё слишком молод для покоя. И ушла прежде, чем бедняга начал харкать кровью на полы.

— Прости. Но сердоболия от тебя я не ожидала.

— Бывает, Бру. Со временем понимаешь: если всё время кормить голод, однажды он начинает питаться тобой, — мерна коснулась губами виска берсерки и направилась в сторону хода.

Я выругался про себя и оттолкнулся от борта, ища глазами пустую каюту. Каблуки уже цокнули у тёмного прохода. Я метнулся к первой двери напротив, рванул её на себя — и тут же выругался громче. В полумраке мелькнули обнажённые плечи, спутанные волосы, блеск влажной кожи. На смятых шкурах жарко переплелись чужие руки и ноги. Одна из Волчиц тихо

рассмеялась, даже не пытаясь прикрыться. Татуированный с головы до ног викинг приоткрыл мутный глаз и поднял рог, словно приветствуя меня.

Я с грохотом захлопнул дверь.

— Любопытно, за столько лет я редко встречала людей, способных краснеть от простого вида чужих удовольствий. А теперь у нас на корабле сразу двое.

За дверью снова рассыпался смех. Потом послышались приглушённые голоса и влажный шорох шкур.

— Тебе бы тоже не помешало иногда расслабляться, Бру, — протянула Отта. — Тем более наш северный зорец, кажется, разделяет твою трогательную неприязнь к чужим локтям в своей постели.

Мерна подмигнула мне и скрылась в дальней каюте.

Я быстро прикинул расстояние до сходней. Между мной и спуском оставалось всего несколько шагов пустой палубы.

Берсерка уже стояла у выхода с драккара, скрестив руки на груди. Привалившись плечом к столбу, она смотрела прищурено и насмешливо — всё в ней намекало, что я обязан перед ней отчитываться.

— Так быстро?

Я остановился напротив. Ближе подходить не хотелось.

— После нашей прошлой встречи едва не погиб мой друг.

— К чему ты мне это? Разжалобить?

— Просто чтобы ты знала, чего стоит твоя свобода. — Я развернулся прочь.

— А твоя свобода?

Доски скрипнули. Я остановился.

— Если ты думаешь, что уже за всё заплатил — ошибаешься.

— Не с тобой мне это обсуждать.

— Каждый день, — продолжила она, будто не слыша. — Они пытаются и убивают таких, как мы. Жгут леса. Сажают медведей в клетки и продают на потеху. Наши близкие — мишень. Не воспоминание. Не прошлое. Настоящее...

Я молчал. Не сдвинулся.

— Ты можешь и дальше делать вид, что тебя это не касается. — Она сделала шаг вперёд. — Можешь продолжать служить Свету, который проливает кровь, прикрываясь законом.

— До встречи, Бруна. Хотелось бы попрощаться, но что-то мне подсказывает об обратном.

— Рена Алвадотир. — Берсерка не повысила голос. Даже не посмотрела в мою сторону. Судно качнуло. Или меня.

— Она держала руку у горла, когда её забирали. Там, где висел амулет. С твоим именем.

— Замолчи.

— Ты никогда её не простишь. И она бы этого не хотела. Но я видела, как ты смотрел. Тогда, в Граднице. Когда тот хрангар заговорил о ней. Я видела твои глаза.

Стало тяжело дышать. Ноги завязли, замедлились.

— Ничего ты не знаешь.

— В тот день, когда гвардия Лейдхольда вошла в Бьярд. В наши леса... Она не кричала. Только всё время спрашивала, жив ли её сын.

Я накрыл ладонью лицо. Рука дрожала.

— Они пришли не за кровью. За тем, ради чего конунг продал бы душу.

— Моя мать... Причём.

— Никто не выдал. Ни одна из них. — Она говорила тихо. Так тихо, что слова почти тонули в скрипе досок. — Всех, кто остался, сожгли. Матерей. Детей. Старых. Тех, кто не успел уйти в лес. Кроме одной.

— Лжешь...

— Она сказала всё, что знала.

— Нет.

— Не потому, что сломалась. Потому что у неё отнимали последнее, что она могла потерять. Тебя.

Ветер захлопал тросами, качнул драккар. Я сорвался с места. Она отпрянула, прижала локти к стене.

— Думаешь, ты всё обо мне знаешь? Решила, что если мы однажды оказались по одну сторону стола, то теперь этим можно пользоваться?

Берсерка откинула голову, глядя снизу вверх. Губы сомкнулись. Шрам над бровью сморщился, вблизи он выглядел ещё глубже, почти бугристым.

Моя ладонь упёрлась в стену в верхушке от её лица.

— Я не знаю, какого чёрта ты лезешь куда пошло. Тащишь за собой смерть...

От её шеи тянуло потом и зверем. Губы приоткрылись — едва, но достаточно, чтобы я увидел, как трутся друг о друга зубы.

— Подставляешь под удар каждого, об кого хоть раз спотыкнёшься... Я не знаю, за что тебя выперли из Бьёнвальда. Отчего таскаешься с Волками, которых ненавидит твой народ. Но знаешь что? Я догадываюсь.

Берсерка отвела голову.

— Ты облажалась. По-крупному. Так, что даже мать выставила тебя за порог. И теперь ты носишься за этими проклятыми рунами... не ради Волков. Не ради войны. А чтобы однажды вернуться в Бьёнвальд и доказать, что ты всё-таки чего-то стоишь.

Её дыхание резко изменилось. Стало ровным.

— Скажи, Бруна... я сильно ошибся?

Не глядя на меня, берсерка достала из кармана что-то маленькое, серебристое. Вскинула перед моим носом.

— Мило, правда? Узнаёшь чеканку?

Я нахмурился. Она покрутила арк в пальцах, словно он ничего не стоил.

— Винкар последнее время с ума сходит по этим железкам. Меняет их на рынках. Сгребает горстями. — Монета легла мне в ладонь. — Я стащила одну.

Я перевернул арк.

Пятый Льдот.

— Считай, плата.

— Плата?

— Ран любит серебро, — берсерка кивнула в сторону трапа. — До берега семь вёрст.

Она задержала взгляд на моих плечах, будто прикидывая. Затем сунула руки в карманы и в развалку пошла к каютам.

Затем, оглянувшись через плечо у самого поворота.

— Если доплывёшь... — уголок её губ дрогнул. — значит, Ран благоволила.

Тело знобило.

Луна тянула прилив. Ноги вязли в песке. Волны тащили обратно, нахлестывали на спину. Я выволок себя к берегу, к пене, шипящей о камни. Дальше по бухте шумели моряки, горели огни. Гремели вёсла. Кто-то смеялся. Кто-то ругался из-за сети.

Трясущаяся рука нащупала в кармане её монету. Я сжал её в кулаке. На холодном металле ещё держалось тепло её пальцев.

Я с размаху швырнул арк в тёмную воду. Серебро мелькнуло в лунной дорожке и исчезло.

— Забирай.

Шаг. Ещё шаг. Ноги подкосились.

Я рухнул на песок, перевернулся на спину, жадно втянул воздух.
Волна накатила на песок и отступила. Где-то громко рассмеялись моряки, отстукивая молотками по лодкам.
Пальцы вжались в мокрый песок.
Руки подломились снова.

Глава третья

Ортер

Воздух душил вонью нагретой смолы.
Я раздвинул ежевичные ветки, вглядываясь в лесную чашу. Солнце протискивалось сквозь густые кроны, полосую землю тенями сосновых лап. Что-то юркнуло в кустах и осыпало мне за ворот сухие иглы.

Буша печально вздохнул, разглядывая в пальцах зелёную ягоду.
— Напомни мне, зачем мы здесь?
— Ищем.
— Что?! В прошлый раз каждый пень обшарили...
— Значит, плохо искали. Заткнись и гляди в оба.
— Я в Глинках всё детство провёл. Матеньку с батюшкой хоронил. За речкой погост. Алым поросло так, что и имён не сыщешь. Не было здесь ничего, кроме белок да сосен. А если и было, местные о таком помалкивают.

Я выбрался из кустов и махнул ему рукой. Он неуклюже полез следом, тяжело вытирая пот.

— Помалкивают? Как и с твоим отцом?
Буша опустил взгляд.
— Загоревал он, как матеньки не стало. Пил так, что всем хутором за здоровье молились.
— За моего деда тоже молились. Сам видишь, чем кончилось.
— Батька по лесам стал ходить. Всё про старую веру выспрашивал. Про духов. А потом выкорчевал маки с её могилы. Говорил, они держат мёртвых на месте. Спал рядом с ней на земле. Есть перестал. Лесник его нашёл. По запаху крада.
— Крада?
— Он выкопал её. Выкопал останки и сжёг. Хотел, чтобы она обрела покой по-старому. Сказал, тогда душа найдёт дорогу.

Некоторое время слышались только шаги да скрип ремней.
— Дед часто видел такое, — наконец сказал я. — Когда от горя люди ума лишались. Кто-то кровью могилы кропил. Кто-то волхвов приводил, чтобы те с мёртвыми говорили.

— И как?
Я пожал плечами.
— Всегда одно и то же. Тишина.
Буша долго глядел себе под ноги, пиная шишки.
— А та ведьма из Градницы... — Он запнулся. — Ты ведь с ней говорил?
Я кивнул, пригибаясь под поваленной сосной.
— Она... что-нибудь рассказывала? Про ушедших?
— Говорила, если душа обрела покой, ей в нашем мире делать нечего.
Буша резко оглянулся, будто боялся, что нас подслушают даже деревья.
— Батька тогда не только могилку разворотил. Он много чего узнал... И говорил. Про осталов. Про души, что заблудились в Мятажном лесу. Будто останутся там... до Зова Крови.
Я усмехнулся.

— Стариковские сказки
— Может, и сказки. Только батька их не рассказывал. Он их боялся.
— Люди всегда чего-то боятся. Особенно после смерти близких.
Буша безжалостно рубил повилику, расчищая путь.
— Он говорил ещё... После Зова Крови покоя уже никому не будет. Помнишь, что отец Елей рассказывал? Про Великую Битву Меча и Секиры?
— Давняя история.
— Хьёрдис повела берсерок на Вигранд. Старики говорили, тогда и случился первый Зов Крови. Людей рвали живьём. С тех пор все и боятся, что однажды он повторится.
Я отодвинул еловую лапу.
— Хьёрдис пала. Последний её потомок умер лет двадцать назад. Так что смотри под ноги, Буша. И не бойся того, чего не случится.
— Откуда знаешь?
— Каждому веку обещают последний день.
Он замолчал, глядя в сторону реки.
— Значит... родные нас не слышат?
Я поправил на плече лук.
— Даже если бы моя мать меня слышала, она бы всё равно мне не ответила.
— Почему?
Я ускорил шаг, вглядываясь в притоптанную траву.
— Потому что я был последним, кого она увидела.

Тропа шла под уклон. Между сосен густел тальник, за зарослями стрекотали сверчки. Я прихлопнул на щеке мошку и спустился по рыхлой пойме. Ближе к берегу сапоги увязли в плотной синеватой глине. Буша не соврал — такой я раньше не видел.

Он хлопал следом.

— Зря мы коней у корчмы бросили. Туда и обратно — все десять вёрст наматывать...

— А ты представь, что на службе. По приказу.

— По чьему приказу? По-твоему? Слюна вообще знает, что мы...

Я резко зажал ему рот ладонью.

— Тихо.

— М-м-м...

— Слюна в курсе. Почти. — Я оттащил его к кустам и прислушался.

— Что значит «почти»?

— Заткнись. Слышишь?

— Я слышу только, как урчит твой треклятый живот.

— Самое время перекусить. За этой речушкой погост?

— Омутка, — кивнул Буша, роясь в котомке. — Хотя сейчас её всё чаще Кровавой зовут.

— Сейчас все реки кровавые. Времена такие.

Он развернул ароматный бумажный свёрток.

— Здесь пирожки. С ливером. Для...

Я выхватил у него пирожок.

— Спасибо.

— ...тебя.

— Жуй. И ни слова её отцу.

Буша хмыкнул и щедро надкусил свою половину.

— Отец Елей только рад будет её засватать. Говорит, уже пора...

— Зелёная ещё, — буркнул я, запивая молоком. — Ухватиться не за что.

Буша задумчиво прожевал кусок.

— Да вроде есть.

Я едва не подавился молоком.

— Что?

— Ну... не такая уж она и зелёная, — он взгляделся в начинку. — Добрая. И стряпня у неё вкусная.

— Буша.

— Что?

— Жуй пирожок.

Где-то в камышах залаяла псина, учуяв запах мяса. Буша вскочил с корточек. Из зарослей вылетела борзая с задранными губами. По клыкам тянулась слюна.

— Тихо! Назад! — В камышах затрепало. Следом показался бородатый старик в соломенной шляпе. За плечом болталась сеть полная рыбы, порты по колено измазаны глиной. — Эгей! Чаво вас сюды занесло? — Борзая натянула поводок и зарычала. — А ну шли отседова! Пока шавку не спустил!

— Не шуми, отец, — сказал я. — Мы из центра. Местность осматриваем.

— Осматривают они... Вас сюды кто звал?

— Дед Есим, — прошипел Буша, подняв руки. — Местный сторожила.

— Так вы знакомы?

— У него бельмо на глазу. За столько лет вряд ли упомянул.

— Чего шепчетесь, оборванцы?! На реку пришли? Рыбов наших таскать?

Я отступил от псины. Ветка хрустнула под сапогом.

— Помочь. Чтоб люд ваш мороком не сводило.

Дед расхохотался, дёрнул поводок.

— Помочь? Вы, мироеды, себе помочь не можете. То дань собираете. То люд на мясо гоните. То по лесам шастаете, будто без вас бед мало.

— Мы не за этим.

— А за чем? Думаете, мы вам в пояс кланяться станем? Э?

— У вас здесь люди пропадают. А тех, кого на берег выносит, находят без духу. Я не прав?

Есим прищурился, подтянул шляпу к седым бровям.

— Вы бы сами у воды почаще шлялись. И вас бы отседова в коробах повыносили.

— Замечали чудное?

— Чудное? — Он закашлялся смехом и махнул через реку, туда, где над кронами поднимался чёрный дым. — Тогда вам на дегтярный двор. Там такого чудного выше дуба. Пол-леса извели, будто земель им мало. Чья это река? Барская. Радуйтесь, что на меня наткнулись. Барин чужаков не любит.

Борзая тряхнула мордой. Слюни брызнули на его фуфайку.

— Тихо, поганая! Детвору с утра до ночи гоняют за гроши. Полдеревни на них батрачит. И люд пропадает. То один сгинет. То другой. А как искать? За мертвого подать не платят.

— Кто пропал? В последний раз.

— Да был один... с ихнего двора. Уже с месяц не видать. Кто говорит — спился. Кто — сбежал. А старухи болтают, будто речной хозяин прибрал. Вам не по лесам шлындать надобно. Туды идите. Глядишь, будет от вас какая польза.

Я уже раздвигал камыши, высматривая брод.

— Спасибо, дед Еси... — Буша прикусил язык. — ...дедушка.

Старик улыбнулся одними дёснами. Псина гаркнула и взяла след вдоль Омутки. Буша приложил ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в противоположный берег.

— Да тут десяток сажений. Вплавь быстрее, чем по глине.

Я покосился на воду и покрутил пальцем у виска.

— Какая плавь? Там тина сплошная. Запутаетесь.

— Запутаюсь? За десяток саженой?
Я ускорил шаг, скрывшись за камышами.
— Хочешь — плыви.

Буша ещё раз посмотрел на реку, потом мне в след. Не поспорил. Нахмурился, поправил котомку на плече и молча пошёл следом.

С полверсты мы брели вдоль берега, пока путь не перегородили срубовые городни. Высокий забор возвышался почти до крон рябин, захватывал часть реки и уходил в лес.

По правую сторону, на опушке, раскинулся маковый погост. Алые бутоны колыхались между покосившихся табличек. Над ними лениво жужжали пчёлы.

Буша упёр руки в бока.

— Во, отгрохали.

Я прищурился.

— Интересно, где здесь вход. Глядишь, ещё версту придётся наматывать.

Чуть поодаль, за маковым полем, притулился ветхий домишко. Крыша просела набок, одна ставня поскрипывала на петле. Из трубы тянулся жидкий дымок.

Буша проследил за моим взглядом.

— Там и спросим.

Мы подошли. На серых досках заборчика темнели выцарапанные ножом слова: ТРИЗНИК ОЙД. Чуть ниже кто-то добавил: ДУШИ ВОДИТ. А сбоку, поверх старых зарубок: С МЁРТВЫМИ ПЬЁТ. Буквы были кривыми и глубокими, словно их не раз обновляли ножом.

Возле дома сидел старик. Закатанные по локоть рукава перемазались синевой. Бурча что-то себе под нос, он неспешно разминал глину в корыте, подливая воду из ковша.

— Доброго времени, батюшка, — окликнул я, указывая на забор. — Не местные мы. Нам бы узнать, где здесь вход в усадьбу.

Ойд что-то буркнул, резко дёрнул головой и, выудив из-под лавки колотушку, принялся дробить засохшие комки глины.

Тук.

Тук.

Тук.

Буша покосился на меня.

— А вот его я не знаю.

— Нам бы вход в усадьбу разузнать! Не местные мы!

Старик тяжело вздохнул и вытер рукавом горбатый нос.

— Чего орёшь? Покойников мне распугаешь.

Я огляделся. Сбоку от сарая лежала стопка деревянных табличек. На некоторых уже были вырезаны имена.

— Значит, вы погостом управляете?

Он не поднял головы. Подлил воды в глину.

— Пока живой — управляю. Чего надо?

— Вход в усадьбу. По какой стороне идти?

— По той, где не найдёте.

— Отчего же?

Ойд вынул из корыта камень, повертел его на солнце и отбросил в траву.

— Оттого, что делать там нечего. Сюда из центра просто так не суются. Бродят. Расспрашивают всё об одном и том же. Могилы мне топчут.

— И о чём же спрашивают?

— Не за добрые же дела меня тризником кличут. О чём ещё к могильщику ходят?

Я присел на корточки возле корыта.

— Люд молвит, здесь лешак завёлся. Али ещё какая нечисть. Да только сдаётся мне, другое тут творится. То, о чём люди привыкли помалкивать.

— О как. Ну давайте, князьи слуги. Удивите старика.

Я кивнул на городни.

— Будто оттуда всё ползёт.

Ойд отложил колотушку и зашёлся хриплым смехом.

— Думаете, первый год слушаю? Как кто пропадёт али подохнет — сразу виновата усадьба. Люди... они везде одинаковые. У кого золота больше — тот и душегуб. Лес молчит — значит проклят. Только вот мёртвых мне не оттуда носят.

— Вам, должно быть, виднее.

Старик придвинулся ближе. От него пахло медовухой.

— Хотите знать, чего я думаю? Люд любит виноватого покрупнее. Забор повыше, ворота покрепче, хозяина побогаче. Тогда и жить спокойнее. Всё зло, мол, за тем частоколом. А под самым носом — хоть трава не расти.

— А может, встречали чего неладного?

Ойд снова запустил руки в корыто.

— Не-а.

— Сплетни. Байки. Может, дети о чём шепчут.

Он пожевал губами, разминая глину.

— Детишки... Вспомнилось вдруг...

— Что такое?

Он махнул рукой.

— Да ерунда. Ребятня здесь только про лешака болтает. Им мамки сказок набрехали, чтоб в лес не совались. Разве что, повстречал я как-то бабу. Тащила корзину глины. Спрашиваю: «На что столько?» А она: «Дитя схоронить. Зверь одну могилку уже разворотил». Бабы... У каждой свои страхи.

— Так что ж здесь странного? Малых без обряда на погост не носят.

Ойд кивнул, шмыгнул носом.

— Вот и я так подумал. А потом снова на неё наткнулся. Седмицу спустя. У леса яму рыла. Я и говорю: «помочь, можа, чем»? А она рукой махнула: «Да сама управлюся. Телок пал».

— И кто она?

Ойд коротко кивнул в сторону одинокой избы у околицы.

— Вон тама живёт.

— Одна?

— Теперь одна. — Он посмотрел на меня тяжело. — Только ты не думай лишнего. Я не слушник, чужие души выворачивать. Что сказала — то и запомнил. Моё дело — мёртвых провожать, а не живых судить.

Он снова взялся за колотушку.

Тук.

Тук.

Тук.

Бри

Низкие стены «Баньки у старой Гланьки», сложенные из толстых брёвен, дышали жаром, паром и запахом хвойного мыла.

Где-то у каменки тучная старуха плеснула на раскалённые камни ковш кваса. Над камнями с шипением взметнулось белое облако. Её влажные кудри прилипли к шее и тяжёлым грудям. К ягодице приклеился берёзовый лист.

Женщины смеялись, тёрли друг друга липовым лыком, окатывались из подвешного ушата. Между ними с визгом носились голозадые дети, скользя по мокрым доскам.

Я украдкой вытерла пот со лба и заглянула в крошечное оконце, затянутое мутным бычьим пузырьём. Одежда пропиталась потом и паром. Воздух был таким густым, что казалось — его можно резать ножом.

— Расслабься и наслаждайся, — проворковала Отта, на ходу сбрасывая тонкое холщовое платье. — Ты видела, какая там парная? Ух... Сейчас как возьму я веник...

Она двигалась свободно, словно нагота была для неё такой же естественной, как собственная кожа. Длинные ноги, тонкая талия, плавная линия бёдер — во всём чувствовалась лёгкость, которой я никогда не обладала. Босиком она прошлёпала дальше, на ходу отпивая олус из деревянной кружки.

Последовав её примеру, я со звоном отстегнула ножны, стянула порты, расклепала ремни кожаного нагрудника, сняла через голову рубаху и собрала волосы в высокий пучок.

Своего тела я никогда не стеснялась. Но, глядя на женщин с округлыми бёдрами, мягкими плечами и тонкими запястьями, вдруг впервые почувствовала себя так, словно меня вытесали из цельного бревна. Не хрупкая барышня. Жерновщица, что с рассвета до заката вращает каменные жернова.

— Ну? — спросила Отта, закинув ногу на ногу на нижнем полке. — Как тебе банька?

— Расслабляет. Подлей ещё олуса. Только тише! Пенится же. Ты разве не обещала познакомиться меня кое с кем? Что-то с трудом верится, что мы встретим нужных людей именно здесь...

Она рассмеялась, подставив лицо пару.

— Всему своё время. Неужели нельзя просто воспользоваться такой замечательной возможностью?

Я пожала плечами и отпила холодного олуса.

— А у вас в Бьёнвальде есть такое? — мерна обвела рукой парную. Её кожа вовсе не поменяла цвета. Как была бледнее молока, так и осталась. Ни капельки пота на фарфоровом лице.

— Ещё как. Только в наших Eldlaug в основном совершают обряды очищения. Омывают фильгий, пускают на камни несколько капель собственной крови и вызывают к богине Ильдис, покровительнице чистоты...

— Это даже интереснее здешнего колорита! — Отта расплескала олус мне на бедро. — Если мне когда-нибудь доведётся попасть в Бьёнвальд, ты просто обязана сводить меня в эту свою «Огненную купель».

Я, разумеется, пообещала и, обняв колени, скукожилась на тесном полке среди крикливых нагих незнакомок.

В комнате стоял привычный запах дерева и медвежьей шерсти.

Сбоку от ложа потрескивал крохотный камин, пожирая еловое полено. За окном чирикали снегири. Они садились на карниз, скребли коготками по дереву и заглядывали в окно в поисках крошек.

Я зарычала, поднялась и метнула в окно подушку, она шлёпнулась о стекло и сползла на ковёр. Птицы взметнулись прочь, недовольно чирикают и роняют перья.

— Íldis taka þik! — рявкнула я, глотая слёзы. — Taki uðr alla!

На столике у ложа стояла кружка с отваром сестры Ивары. Она принесла его ещё на рассвете. Сидела рядом, гладила меня по спине, уверяла, что всё образумится. Что боги слышат мольбы...

Но я не верила.

Не верила ни Иваре, ни матери, ни глупым жрицам, которые только и делали, что пихали мне свои отвары и смотрели с тем выражением лица, которым смотрят на безнадежно больных.

Из кружки поднимался пар с терпкой горечью шалфея и прутняка. Я одним движением смахнула кружку со стола и отвар растёкся по оленьей шкуре.

Едва я рухнула лицом в плед и разрыдалась, как за дверью послышались знакомые шаги.
— Nei... Только не сейчас...

Она влетела, словно рыжий вихрь, впустив в комнату морозный воздух. Дверь хлопнула с таким грохотом, что с полки повалились книги. На меховом воротнике и плечах таяли комья снега. Конопатые щёки румянились от мороза и счастья.

— Бру! — воскликнула она, запрыгнув на кровать прямо в шубе. — Нет, ты ни за что не угадаешь, что случилось сегодня утром!

Я торопливо смахнула слёзы и поднялась, молясь, чтобы она ничего не заметила.

Она уже болтала ногами, сияя от нетерпения.

— Не имею ни малейшего представления, — соврала я, натянув кривую улыбку. — Ты наконец одолела медведя?

— Да!.. Э... То есть нет! — Она схватила меня за плечи и затрясла так, что кровать жалобно скрипнула. — Ég fékk Blómvak! Мой Цветок распустился перед восходом солнца!

Я замерла лишь на одно мгновение. Потом широко распахнула глаза, прижала ладони к груди, понимая, что опоздала с радостью на несколько долгих секунд.

— Руни... Это же замечательно!

— Nei... — Она рассмеялась. — Alltof frábært! Это настолько замечательно, что у меня просто дыхание перехватывает!

Я протянула к ней руки. Она обняла меня так крепко, что кольнуло в груди. Потом шмыгнула крючковатым носом, стянула шапку, и короткие рыжие волосы тут же встали торчком.

— Ты знаешь, что это теперь значит, Бру?!

Я покачала головой.

В её карих глазах сияло летнее солнце.

— Это значит, что завтра мама возьмёт меня с собой в Eldlaug! — Она закатала рукав и показала мне тыльную сторону предплечья. — Моя кровь теперь дышит магией! Теперь боги и предки наконец услышат меня!

Я потёрла плечи.

В комнате вдруг стало холоднее.

— И к кому... — Я кашлянула. — К кому из предков ты впервые воззовёшь?

— К бабушке! — Она стянула со стола ломоть хлеба с вареньем и с аппетитом надкусила его. — Я часто хожу к её Яблоньке. Мама разговаривала с ней, а я... я не могла. До сегодняшнего дня!

— А когда будет Eldblóm? — спросила я уже тише, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— О-о-о! Возгорание Цветка — это целое событие! На обряд соберётся весь Эйрдаль! Ты хоть представляешь, какое будет зрелище?!

Крошки хлеба сыпались ей на шарф. Я смотрела на них и часто моргала, не позволяя слезам сорваться.

— Я... я так рада за тебя, Руни...

Она быстро дожевала, раскинула руки и звёздочкой рухнула на кровать, мечтательно уставившись в потолок.

— Как думаешь, Бру... моя фильгия выберет меня? — Она вдруг резко села. — А если... если медведица решит, что я недостойна стать берсеркой?..

— Не решит.

— Почему ты так уверена?

— Потому что ты этого достойна, Руни.
Она облегчённо улыбнулась и снова упала на спину, весело покачивая ногой.
— Интересно... какой будет моя медведица?..
Она ещё долго рассказывала.
О бабушке.
О предстоящем Eldblóm.
О медведице, которая однажды придёт за ней.
А я сидела рядом.
И улыбалась.
Так широко, что впервые в жизни возненавидела собственную улыбку.

В предбаннике стояла огромная дубовая кадь, из которой женщины черпали горячую воду. Отта потянулась за ковшом, но вместо этого взялась за железный обруч и дважды провернула его вокруг своей оси.

Где-то под половицами сухо щёлкнуло.

— Помоги.

Я навалилась плечом. Вместе мы сдвинули тяжёлую кадь в сторону. Под ней оказался квадратный деревянный люк с потемневшим от ржавчины железным кольцом.

Отта ухватила за него и потянула вверх. Из темноты пахло сырой землёй. Где-то внизу монотонно журчала вода.

— Идём. — Она первой начала спускаться по узкой лестнице.

Когда я полезла следом, в проёме показалась Гланька. Лукаво улыбнувшись, старушка помахала нам рукой, упёрлась обеими руками в дубовую кадь и закатила её обратно поверх люка.

Свет исчез. Осталась лишь узкая полоска, пробивавшаяся между досками, да шорох крыс. Отта легко спрыгнула с последней ступени на каменный пол. Я шла за ней почти на ощупь. Подземный каменный ход утопал в темноте.

— Везёт же тебе с зоркостью.

Она свернула за угол.

— После смерти вообще многое становится лучше.

— Как-то не заманчиво.

— А я и не настаиваю.

Я пригнулась, едва не стукнувшись макушкой о балку. Ещё несколько пядей нам пришлось топтать согнувшись, пока ход наконец не расширился. Впереди показался невысокий каменный уступ, лился тёплый жёлтый свет. Из-за наспех сколоченной двери доносились женский смех, звон кружек и ленивый перебор лютни.

Я схватила Отту за локоть.

— Это те самые ворожеи, о которых ты говорила?

— Они называют себя ушкуйницами, — чуть тише обычного ответила мерна. — Дар-гардская вольница, если угодно.

Она уже шагнула к двери, но я снова придержала её.

— А с ватагами они случайно не дружат?

— Дружат? Да они друг другу глотки перегрызть готовы. Думаешь, две атаманши смогут поделить один юг?

— Значит... они свои?

— Только пока видят выгоду. — Она уже подняла руку, чтобы постучать, но вдруг покосилась на меня. — И ещё. Не глазей.

— На что?

— Сама поймёшь. Жизнь многих здесь потрепала. Жалости они не просят. Но терпеть не могут, когда на них таращатся.

— Как скажешь.

Отта кивнула и четыре раза постучала костяшками в дверь. В особом ритме. В щели что-то шевельнулось. На нас уставился мутный стеклянный глаз, глубоко утопленный в изуродованной глазнице.

— Воды горячей хватит? — прохрипел женский голос.

— Если кровь не остыла, — спокойно ответила Отта.

За дверью что-то лязгнуло, зашуршала цепь. Тяжёлый засов медленно пополз в сторону. На пороге стояла совсем молодая девушка в потёртом кожаном жилете и дырявых мужских шароварах. Тёмные волосы были острижены неровно, а короткая торчащая чёлка лишь наполовину скрывала шрам, пересекавший правую глазницу.

Я успела заметить его лишь краем глаза и тут же поспешно отвела взгляд, будто меня куда больше заинтересовала стоявшая у стены статуэтка полуженщины-полуптицы. Из сложенных лодочкой ладоней тонкими струями стекала вода в небольшой каменный бассейн.

Ушкуйница с откровенным недоверием оглядела нас с головы до ног. Правая ладонь так и не покидала рукоятки ножа на поясе.

— Кем будет? — кивнула она в мою сторону, прищурившись.

Отта уже проходила внутрь.

— Своя. Расслабься, Щеп. Разве я хоть раз приводила к вам не тех людей?

Щепа шумно фыркнула и захлопнула дверь.

Мы словно очутились на складе, куда десятилетиями свозили награбленное со всех концов света.

Под самым потолком висели хрустальные люстры — большие и маленькие, с разноцветными подвесками. Стоило задеть одну из них волосами, как тонкие хрусталики отзывались тихим перезвоном. Я подняла голову. Люстр оказалось не меньше десятка. Казалось, каждая когда-то освещала чужой богатый дом.

Стены скрывались под дорогими гобеленами. Между ними висели резные маски, ловцы снов, старые карты, потемневшие картины и роскошные зараимские ковры. На одном из полотен несколько обнажённых дев без всякого стыда предавались любовным утехам. Повсюду теснились сундуки, статуэтки, серебряные подсвечники, расписные вазы и вещи, назначения которых я даже не могла угадать.

Я коснулась решётки золотой клетки, в которой сидел изумрудный попугай. Птица тут же нахохлилась, распустила тяжёлые крылья и сердито защёлкала клювом.

— Руками не трогать! — скомандовала одна из ушкуйниц. — За половину этого барахла прежние хозяева готовы выложить целое состояние.

— Мора! — Отта широко улыбнулась и звонко чмокнула светловолосую девушку в щёку. — А ты похорошела!

— Хороший секс, свежее пиво и никаких княжких рож вокруг, — усмехнулась та. Деревянный протез с блестящим железным крюком вместо кисти легко качнулся в воздухе, когда она поманила нас за собой. — Озга! Пива. И поживее! — Она плюхнулась за массивный кедровый стол и ногой подтолкнула к нам два стула. — Падайте.

Мы уселись напротив.

Из-за высокого шкафа показалась наголо бритая девушка со смуглой кожей и щербинкой между передними зубами. Она молча поставила перед нами тяжёлые деревянные кружки и наполнила их густым, ароматным пивом из небольшого бочонка.

— Ну? — спросила Мора, подцепив крюком кружку. — Чем платим?

Отта сунула руку за пазуху и с глухим стуком она положила на стол тяжёлый золотой браслет, густо усыпанный лазурными камнями.

— Этого хватит с головой.

Ушкуйница вскинула бровь. Не меняясь в лице, подцепила украшение крюком и медленно повертела его на свету.

— Краденое?

— Подарок.

— Надеюсь, хоть браслет он оставил добровольно.

— После такой ночи? Не думаю, что бедолага вообще что-нибудь помнит.

— Принято. — Мора небрежно сунула браслет в карман бурого рабочего комбинезона, словно это была дешёвая безделушка. Откинулась на спинку стула и закинула ноги на стол. — Спрашивайте.

— Чёрные. Они неуловимы, словно тени. Никогда не знаешь, где они появятся в следующий раз. Нам нужна наводка. Где их искать.

— Сложная задача, — протянула ушкуйница, покачиваясь на задних ножках стула. — Их логово находится в Закрае. Туда не суётся даже княжеская дружина. Что уж говорить о приезжих... или Волках.

Я подалась вперёд. Стул жалобно скрипнул.

— Как попасть в Мюркхольд?

Мора перевела взгляд на меня.

— Туда ведёт всего одна дорога. По реке.

— По реке?

— По реке. Только не по той, по которой плавают лодки.

— Не понимаю.

— И не должна. Эта река течёт между мирами.

— И как её открыть?

Мора постучала крюком по столешнице.

— Кровью.

Я фыркнула и закатала рукав.

— И этим князь не может пожертвовать?

— Может. Да только своей кровью дверь не открывают. И вряд ли князя об этом знает.

— Значит...

— Именно. Смерть человека в обмен на проход в иной мир. Законы магии никогда не славились щедростью.

Я медленно откинулась на спинку стула. Попугай встрепенулся, перебрался на деревянную жердочку и принялся сосредоточенно чистить пёстрые перья.

Отта тем временем лениво разглядывала свои ногти, как если бы разговор вовсе её не касался.

— Какие проблемы?

Я повернулась к ней и ткнула локтем в бок.

— С ума сошла?!

— Мужчины — моя еда. Останется только выбрать какого...

— Нет! — Я вскочила так резко, что табурет с грохотом опрокинулся на пол. — Что ты вообще несёшь?! Капкан тебя схлопни!

Мерна тяжело, совершенно театрально вздохнула.

— Хорошо. Тогда будем искать дальше. До следующего труп.

Ушкуйница скучаяще ковыряла крюком в зубах.

— Стало быть, вариант вас не устроил.

— Нет.

— Что ж, тогда остаётся только одно. Ждать.

— Ждать? Как вы себе это представляете? Сидеть у реки и ждать, пока они снова кому-нибудь башку отрубят?

— Не совсем. — Она выковыряла из зубов волокно мяса и задумчиво его разглядывала. — На окраине есть деревушка... Ветляки. Седмицу назад местные принесли в жертву целого мула, надеясь отвести нечисть, что утаскивает их дочерей под воду. — Она искоса посмотрела на Отту. — Местные подозревают в этом зыблых.

Мерна напряглась.

— Я не встречала их сотни лет. Дочери Порога слишком хорошо знают цену голоду. — Она скрестила руки. — Зыблые — сказки моряков и баб, что не дождались мужей из-за шторма.

— Значит, ваши здесь ни при чём.

В голосе Отты зазвенела сталь.

— Не приписывай этих озверевших на наш счёт.

— Стало быть, мы обе понимаем, кто захватил те воды, — мурлыкнула Мора. — Я слышала о князем запрете сходить Волкам на берег. Прискорбно. Коршак слишком щедро кормит своё недоверие.

— Оно и лучше. Ни перед кем кланяться не приходится.

— Это я уважаю. Даргард ещё никогда не чувствовал себя в такой безопасности. Благодаря седым стягам пираты и корсары докучают нам куда реже.

Я отпила горького пива.

— Вернёмся к теме. Тебе хорошо известно о делах в Ветляках. Откуда?

— Скажем так... деревушка стоит под нашей крышей. Мы берём на себя разбойников, должников и прочую шваль. Они платят исправно. Всем хорошо.

— Выгодное дело.

— Очень. Последний раз Чёрных видели у озера возле заброшенной мельницы. После заката туда даже местные мужики не суются. Разве что с факелом в одной руке... и бутылью водки — в другой.

— Стало быть, неподалёку река.

— Озеро. Да не простое.

Я качнула головой и рассеянно посмотрела в угол комнаты. Там молодая ушкуйница лениво перебирала струны лютни, покачиваясь в кресле в такт весёлой кабацкой мелодии. Ноги её до самых колен скрывало клетчатое одеяло. Ниже колен ничего не было.

Она подняла на меня взгляд из-под густых бровей. Палец с длинным карминным ногтем медленно потянул струну.

Трынть.

Я отвернулась.

В этом мире действительно ничего не бывало просто так.

— Местные кличут его Водами Упыря, — продолжила Мора, начищая тряпицей крюк. — Название, прямо скажем, дрянь. Зато легенда добрая. Жил там когда-то старый мельник с единственной дочерью. Муку молот, хлеб пёк, людям за гроши продавал. А девчонка возьми да влюбись в музыканта из соседней деревни. Сбежала с ним. Старик затосковал, мельницу забросил, запил. Потом дождался зимы, взял топор и зарубил того бедолагу. Дочь силой обратно приволок. Всё твердил: «Моя ты. Со мной и стниёшь». Только не вышло. Девчонка ночью ушла к озеру и утопилась.

Она дыхла на крюк и потёрла маленькую царапинку, пристально её разглядывая.

— Старика схоронили тут же, под мельницей. А потом люди начали шептаться. То девушка в воде померещится. То ночью жернова сами собой завертятся. А потом и вовсе пошли разговоры, что в каждое новолуние мельник выбирается из могилы, бродит по округе и ищет молодых девок. Найдёт — уволочёт обратно на мельницу. Да не в дом. В озеро. С тех пор и

Воды Упыря чудить начали. К зиме вода из озера уходит, будто сама земля выпивает её до последней капли. А ближе к лету возвращается обратно, словно никуда и не исчезала. Вот такие сказки в Ветляках рассказывают. Хочешь не хочешь — прислушаешься. Ну чего? Ещё по одной? Свеженького.

— Эту ещё не допили, — спокойно ответила Отта. — И мельник нас не интересуется. Думаю, ты и сама понимаешь, что беда там вовсе не в упыре.

Ушкуйница хрипло хохотнула и отбросила на стол тряпицу.

— А как же. Кого ищете — того и найдёте.

Попугай коротко чирикнул, распустил крылья, полюбовался собой в крошечном зеркальце и звонко щёлкнул по нему клювом.

— Выпусти, его Щепка, — махнула рукой Мора. — Пушай разомнёт крылышки.

Щепка отодвинула золотую створку, и птица взмыла под потолок. Облетела наш стол, выронила пару перьев и села на одну из люстр, покачиваясь.

Половица скрипнула. Пристальный взгляд Щепы я почувствовала спиной. Она со звоном опустила створку клетки и медленно обошла меня, ступая босыми ногами по ковру.

Я невольно задержала взгляд на её длинных, нестриженных ногтях.

Как она вообще надевает сапоги?..

— От тебя пахнет кровью, незнакомка... — прохрипела Щепка, наклонившись так близко, что я почувствовала запах дешёвого табака.

Я обернулась. Стекланный глаз смотрел прямо в меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Кровь. На твоих руках.

— Прости?

— Кровь моих родных.

Прежде чем я успела ответить, кинжал со звоном вонзился в стол прямо передо мной. Я дёрнулась, собираясь подняться. Но тяжёлая ладонь с грязными ногтями легла мне на плечо, снова усадив на место.

— Ты и впрямь думала... что я тебя не узнаю?

— Не узнаешь кого?! — рявкнула я, хватаясь за рукоять секиры. — Что это ещё за...

— Медведица, — перебила Щепка, не сводя с меня взгляда. — Ночные Сойки... Так вы себя называете? Одна из тех сук, что сожгли мою деревню!

— Чего ты такое несёшь?!

— Щепка! — рявкнула Мора, ударив крюком по столу так, что кружки подпрыгнули. — Немедля приди в себя!

В комнате сразу стало тесно. Из-за шкафа показалась Озга. Лютя умолкла на полуслове. Из соседней комнаты одна за другой вышли ушкуйницы, чьих имён я не знала. Искалеченные, покрытые шрамами, они молча сомкнулись вокруг стола.

У каждой при себе было оружие.

— Прийти в себя? — Щепка вцепилась ногтями в край столешницы. — Прийти в себя?! После того как проклятые берсерки отняли у меня дом? Родных? Глаз?!

— Довольно!

— Ложь! — выкрикнула я. — Предводительница Ночных Соек — моя тётя! Она никогда не причинит вред невинным!

— Невинным? — Щепка резко ткнула пальцем в свой изуродованный глаз. — Вот это, по-твоему, заслужили невинные? Твои подружки пришли за какой-то девчонкой. Староста ничего им не сказал. Тогда они подпалили его дом.

— Нет...

— Огонь перекинулся на соседние крыши. Когда мужчины бросились тушить пожар, староста велел спрятать женщин и детей в амбаре. Думал, там безопаснее. А огонь добрался и туда...

Ком подступил к горлу.

Отта крепко стиснула моё запястье.

— Уходим. Бруна.

— Не может быть...

— Да, медведица. После вас остаётся только пепелище. — Щепанаклонилась почти вплотную. — И море крови.

— Бруна!

Я резко выдернула руку из пальцев Отты и поднялась.

Она лжёт. Клевещет на моих родных.

Пальцы сами сомкнулись на топорище.

Нет.

За такое отвечают.

Щепарванула кинжал из столешницы и бросилась первой. Секира со скрежетом вылетела из ножен. Попугай пронзительно вскрикнул, сорвавшись с люстры. Под потолком тревожно зазвенел хрусталь.

Перед глазами всё вспыхнуло алым.

Глава четвёртая

Эйн

За стенами загрохотали шаги.

Незнакомые.

В барак ввалились трое. Май вскочил, как от выстрела. Я поймал его за плечо и усадил обратно.

— Спокойно.

— Ну что, новики! — весело крикнул Горазд. — Кто готов пройти обряд посвящения?

Мы вышли к плацу у заднего входа. Ворота ещё стояли открытыми. Зорцы подтянули кушаки и полезли в карманы.

— Для начала, сопляки, понюхайте взрослого дыма!

Май и ещё двое новиков нахмурились, разглядывая мешочек, от которого тянуло горькой прелью.

— Что это? — спросил Мирок, прикрыв ладонью нос.

— Ра-а-адость, — протянул Горазд, сворачивая трубочку из пергамента. — Риддар. А ну, затянись. Давай, малышня.

— Не, не буду, — скривился Гридка. — Май?

Тот отрицательно покачал головой.

— Кончай, Горазд, — сказал я. — Либо доставай нормальный табак, либо мы уходим.

Зорцы заулюлюкали.

— Слыхали? — фыркнул Алай. — Наш северянин уже няньку строит.

Златщёлкнул ногтем по свёртку.

— Да пусть сами решают. Или вы что, девки чертоговские?

Новики отвернулись. Май молчал. Горазд ухмыльнулся и глубоко затянулся. Дым потянулся изо рта густой лентой.

— Ладно, хватит пугать малышня. — Он ткнул Злата локтем.

Тот с недовольной рожей вынул из кармана кисет поменьше.

— На, риддар. Как тебя на севере ещё не пришили.
— Живучий, — бросил я.
Май смотрел на облако серого дыма.
— Значит... это и было посвящение?
Зорцы заржали, подпихивая друг друга в бок.
Горазд притянул парня ближе.
— Слыхали, мужики? Ребяшня думает, что всё так просто. Князю поклониться, девку трахнуть — и ты уже воин.
Май растерянно уставился на пустые ножны.
— Но разве...
— Знаешь Сторожевую Челюсть? Пузатая такая башня. На даргардском утёсе.
— Знаю.
— А как волны об тот утёс расшибаются, видел?
Май смотрел под ноги. Глаза его заматались.
— Видел...
Горазд ухмыльнулся. Обернулся к зорцам, закинул руку пареньку на плечо.
— А помнишь, какая там высота?
— Лететь долго, — протянул Злат.
— И вода холодная, — добавил Алай.
Мирок побледнел и бросил на меня взгляд.
— В-вы... серьёзно?
Я молча прислонился плечом к колонне, чиркнул кресалом, поджигая самокрутку.
Покрутил затёкшей шеей. Тело ещё ныло после заплыва.
Горазд выдержал молчание.
— Синяя Сирена.
Зорцы сразу оживились.
— У крытого рынка. Под тем самым утёсом.
Май моргнул. Пальцы расслабились на ремне.
— Лучший бордель на всём юге, — пропел Алай.
Злат вынул у меня самокрутку.
— Девки как сливки. На любой цвет... и вкус. Говорят, съезжаются туда со всех уголков мира.
— Съезжаются? Или их свозят?
Зорец щёлкнул по серебру на моей макушке.
— А это уже... не наше дело, риддар.
Новики всё ещё косились в сторону утёса, но уже с улыбкой.
— Так что поздравляю, новобранцы, — Горазд закрутил ус. — Вот теперь начнётся настоящее посвящение.
Алай очистил сапог о ступеньку лестницы и кивнул в мою сторону.
— Ну? Чего встал?
Злат затушил бычок о перила.
— Или думаешь, тебе их прямо в нары доставят?
Я оттолкнулся от колонны, отряхнул плащ.
— Мне есть чем заняться.
Алай сплюнул в траву у моих ног.
— Да пёс с ним. Идём, парни.
Зорцы поволокли новиков прочь. Май замялся.
— Я... обещал Сияне сегодня прийти. Она будет ждать...
Они загоготали громче.

— Слышали? Обещал!

Горазд покачал головой.

— Да куда твоя девка не денется. Чертог — он на то и Чертог. — Он подмигнул и кивнул в сторону золочёных куполов. Туда, где вот-вот должен пробить колокол к вечернему чтению. — Не заскучает. Двигай, новобранец.

Зорцы загудели и припустили к воротам. Май растерянно поплёлся следом. Через несколько шагов замедлился.

Оглянулся на меня через плечо, будто его вели на плаху.

Ортер

Буша лежал в траве, закинув ногу на ногу, и мечтательно разглядывал звёзды.

Над лесом раскинул крылья Белый Ворон — самое большое созвездие южного неба. В особые ночи оно сияло так ярко, что под левым крылом можно было разглядеть Воронёнка. Старики говорили: лишь тогда открываются все двенадцать звёзд его крохотного созвездия. В остальные ночи небо прятало их от людских глаз.

С востока напозлали тяжёлые тучи, понемногу съедая созвездия.

— В поварне сейчас похлёбку разливают, — вздохнул Буша, пожёвывая зелёную тростинку. — С перепелиными крылышками...

Я вытер со лба пот, продолжая точить наконечники сандаловых стрел. Оселок хрустел, осыпаясь в траву тёмной крошкой. Сталь холодно поблёскивала в свете Белого Ворона.

— А мы торчим здесь, — не унимался он, действуя мне на нервы. — В духоте. Посреди леса. В компании слепней и мошкары...

Я молча отложил готовую стрелу и взялся за следующую.

— Кто знает, чем ещё богаты эти чащи, — Буша зябко передёрнул плечами. — Каждый второй так и норовит напугать лешаком, речной бабой или ещё какой нечистью. — Он догрыз стебелёк и отбросил его в траву. — Сидим здесь. Голодные. В кустах. По твоей прихоти.

— Не воняй. Вдруг сейчас из кустов не лешак выйдет, а какая-нибудь полуголая вдовушка. Глядишь, перестанешь краснеть, когда баба к тебе ближе локтя подходит.

— Опять ты за своё.

— Грудастая, — невозмутимо продолжил я, чиркая оселком. — С ляхами — во! Как зажмёт — поминай, Буша, как звали!

Уши его вспыхнули.

— Заткнись!

— Али не знаешь той частушки?

— Не смей...

— Шла вдовица за водой...

— Ортер!

— Титькой машет молодой...

Буша врезался спиной в сосну и зажал уши.

— ...как прижала у плетня... Не поможет и броня!

— Чтоб тебя!

Я весело взмахнул стрелой.

— Дом заждался мужика... Сам смекни — с чего вдова!

Он резко вскочил, схватил меч и, красный до ушей, зашагал в чашу.

— Куда? — крикнул я ему в след. — А вдовушку кто искать будет?!

Буша ответил непристойным жестом и с треском скрылся в густых зарослях. Я захохотал так громко, что с ветвей вспорхнула целая стая сонных птиц. Лес ожил лишь на мгновение,

зашелестел тёплым ветерком. Где-то недовольно каркнула ворона. А потом всё снова погрузилось в глубокий сон.

Мне оставалось лишь завидовать.

Я ещё раз пересчитал стрелы и сложил их в колчан. Следующие пару часов тянулись мучительно медленно. Я дважды обошёл наш скромный бивак, подкинул хвороста в костёр. Трижды выходил на околицу, всматриваясь в тёмные силуэты изб.

Наконец подыскав подходящий пенёк, я с облегчением развязал тесёмки и пустил струю в кусты. В листве тихо зашелестело; из-под корней испуганно выскочила серая морда и тут же юркнула обратно заросли.

Желудок предательски напомнил о себе.

Покончив с делом, я поторопился застегнуть порты и потянулся к луку, прислонённому к сосне. Стрела легла на тетиву. Я замер, прищурив левый глаз.

Из листвы осторожно показались два длинных уха.

— А вот и ты... — Я уже начал плавно выбирать тетиву... Но заяц драпанул раньше, чем я успел спустить стрелу. — Холера!

В потёмках с протяжным скулежом залаяла псина. Я выругался, резко направив стрелу на звук. Кусты затрещали под тяжёлыми лапами. Из зарослей вымахнула борзая, с безумными глазами и языком на бок. Цепь, волочившаяся за ошейником, с грохотом подпрыгивала на корнях.

— Фу! Фу, дурная! Не то спущу...

Шавка и не думала останавливаться. Промчалась мимо костра, едва не угодив в огонь, шарахнулась от меня в сторону и, жалобно скуля, скрылась между деревьями.

— Это-ж Есимова, — заметил объявившийся Буша.

Я опустил лук.

— Одна?

— Удрала поди...

— Али помог кто?

Буша поднял с земли часть оборванной цепи.

Мы двинулись по следам лап и полёгшей траве. Воздух сырел дождём. Над головами медленно проплыла тяжёлая туча, поглотив Белого Ворона. Лес сразу потемнел. Совсем скоро мы уже брели почти вслепую, то и дело цепляясь сапогами за корни.

Из темноты донёсся нервный, залиvistый визг, похожий на плач.

— Койот? — негромко спросил Буша, перелезая через бурелом.

— Койоты, медведи... — Я кивнул на широкую полосу примятой травы. — Вон, гляди. Как думаешь, чья задница там уместилась?

Буша молча одёрнул ворот свиты и зашагал быстрее.

Мили через две над лесом полоснула молния. Следом прокатился такой раскат грома, что вороны с карканьем сорвались с ветвей и закружили над верхушками сосен. Не прошло и минуты, как небо прорвало. Ливень рухнул стеной. Капли барабанили по хвое, размывая тропу под ногами. Между длинными, тощими соснами укрыться было негде. Мы лишь плотнее запахнули одежду и упрямо брели вперёд, шурясь сквозь потоки воды.

— Да чего мы его вообще ищем?! — Буша угодил в лужу так, что нас обоих окатило грязью. — Дрыхнет небось пьяный где-нибудь в кустах. А мы тут ноги ломаем!

Я крепче подтянул ремень колчана.

— Плохое у меня предчувствие. Хуже будет, если трезвый и в беде.

Ливень понемногу стихал. Следы давно смыло. Мы брели, вслушиваясь в шум леса, пока впереди не послышался тихий скулёж.

Вся в грязи, борзая дрожала под широким лопухом, жалобно поджав под себя лапы. Увидев нас, она зарычала, попятилась, резко развернулась и стрелой умчалась во мрак.

Мы рванули следом, матерясь и перепрыгивая через корневища.

— Вон она! — крикнул Буша, схватившись за бок. — Лови!

Я почти ухватился за цепь, но в последний миг пальцы соскользнули, хватанув пустой воздух. Борзая вылетела к околице и, взметнув задними лапами ошмётки грязи, перемахнула через плетень на задний двор чужой избы.

Я смахнул с лица дождевую воду и пошёл следом. Только спустя пару шагов заметил, что земля под ногами стала какой-то слишком вязкой.

— Ещё и порты теперь отстирывать! — простонал Буша, с досадой разглядывая сапоги. — Глянь! По самые колени уделались!

Я присел на корточки и ткнул палкой в размокшую землю. Конец легко ушёл в синеватую глину.

— Странно...

— Чего ещё?

— До реки отсюда неблизко.

Я ещё раз ковырнул землю; глина уходила глубоко и заканчивалась ровной полосой там, где снова начиналась трава. Приглядевшись сквозь редкую морось, я заметил рядом чужие следы. Четыре пары. Дождь ещё не успел их смыть.

— Ну и что? — Буша раздражённо хлопнул ладонью по портам. — Мне теперь из-за неё босиком ходить?

Я пожал плечами, отбросил палку и пошёл ко двору.

Борзая нашлась у покосившегося сарая, скуля и висясь возле двери.

— Что же ты беда, от хозяина удрала? — Я перешагнул через плетень. — Идём, пока тебя кто не сожрал.

Несколько пар свежих следов, измазанных глиной, пересекали двор, поднимались на крыльцо и той же цепочкой уходили обратно к лесу.

Борзая гаркнула и принялась яростно царапать дверь передними лапами, с таким скрежетом, что легко могла поднять на уши всю деревню.

— Фу! Давай. Нужно делать отсюда ноги... — Я осторожно потянул за цепь. Собака рыкнула, упёрлась всеми четырьмя лапами, ещё раз полоснула когтями по двери и лишь потом неохотно сдвинулась с места. — Хорошая девочка, — я похлопал её по боку. — А теперь води нас к своему хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.